

ЭВТАРЛУ
ТРОФУМОЗ-
ТРОФУМОЗ

ПЯТЬ ЗВЕЗД
КАПИТАНА
ИБРАГИМОВА

ТОМ I

Виталий Трофимов-Трофимов

**Пять звезд капитана
Ибрагимова. Том I**

«Издательские решения»

Трофимов-Трофимов В.

Пять звезд капитана Ибрагимова. Том I / В. Трофимов-Трофимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960771-3

В далеком мраке космоса одинокий и сумасбродный капитан звездного крейсера ведет войну с превосходящими силами противника. Имея только один настоящий талант — выигрывать войну — он пробивается через тернии непредсказуемого и коварного космоса, получая за свои заслуги высшую награду Земли — золотую звезду. Произведение в духе стратегической фантастики порадует тех, кому нравятся азарт планирования и трюки, с помощью которых даже самый слабый боец может одолеть Голиафа.

ISBN 978-5-44-960771-3

© Трофимов-Трофимов В.
© Издательские решения

Содержание

Чумной денек	6
I. Увертюра	7
II	18
III	27
IV	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пять звезд капитана Ибрагимова Том I

Виталий Трофимов-Трофимов

© Виталий Трофимов-Трофимов, 2018

ISBN 978-5-4496-0771-3 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-0772-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Увертюра

– Да идите вы в жопу! – Лицо капитана Ибрагимова пропало с экрана, и тот погас, оставив старпома крейсера «Мираж» и членов экипажа, несших вахту в рубке, без главнокомандующего начала.

В трехслойные иллюминаторы «Миража» видны были плавучие доки для обслуживания звездных фрейтеров и танкеров, возившие топливо с планеты Аташ до распределительной станции в системе Алиакс и далее по всей вселенной, заселенной истиннолюдьми, детьми желтого Солнца. Приборы на борту «Миража», дрейфовавшего на высокой орбите Аташа, регистрировали защитное поле, спасавшее доки от выхлопов туманности. Но поле не защищало океанические добывающие платформы от налетов вражеских истребителей, и половина оборонительных орудий с верхних ярусов доков уже вышла из строя, оставив по себе искореженные стволы турелей. Значит, незваные гости в самом деле посещали планету, и операция оказалась не простой проверкой.

Планету Аташ уже всюю теснили газовые облака – подсвеченный красным карликом Моро-IV край туманности в лучах звезды горел недобрым пурпуром, мрачными переливами заката.

Дух обреченности уже витал над всей системой темнеющей звезды Моро-IV. Добрую половину системы уже поглотила туманность, только одинокие планеты еще оставались пригодны для хозяйственной деятельности. Благодаря жесткому излучению, Моро-IV находилась в своеобразной вакуумной каверне, из-за чего туманность пока не могла проглотить и переварить звезду. А притяжение звезды пока что не давало туманности распознаться слишком быстро. Но скоро давление газов окажется настолько велико, что каверна коллапсирует, и звезда погаснет.

Над уцелевшей планетой Аташ, над ее бесконечным водным простором без единого материка, уже то тут, то там вспыхивали тревожные зарницы – в местах соприкосновения атмосферы с газовыми потоками туманности, – и рождали огромные океанические волны. Добыча здесь продлится еще от силы года два, потом планета войдет в разреженные газовые облака, что сожгут атмосферу, высушат океан, испепелят платформы. Но до тех пор люди еще планировали выкачать из планеты порядочно топлива. И до недавнего времени здесь, в периферической зоне Содружества, все было спокойно. Пока, откуда ни возьмись, в небе не появились вражеские истребители, не принялись налетами бомбить платформы.

– Есть связь, – отчеканил связист «Миража», обращаясь к старпому. Переключил передатчик на громкую связь. И добавил уже неформально: – Вид жалкий. На старую «Кашарию» что-то совсем не похоже...

На центральном мониторе в рубке появилось небритое лицо офицера. Взъерошенные волосы, блуждающий взгляд, осунувшаяся физиономия и легкая сутулость, какая бывает от недосыпа, красноречиво говорили, что последние ночи прошли для него весьма бурно и едва ли приятно. Вступать в диалог с экипажем крейсера потрепанный космический не спешил, и старпом «Миража» представился первым:

– Я старший помощник капитана крейсера «Мираж» капитан второго ранга Феликс Джемисон. Мы получили ваш сигнал и прибыли, как только смогли. Представьтесь и поясните суть вашей проблемы, комендант.

– Я не комендант, я сарваер доков «Новая Кашария» Филипп Кулагин. Комендант погиб во время налета на прошлой неделе. – Кулагин затянул узел выпачканного в мазуте галстука: он все еще пытался выглядеть опрятно. – Наша проблема такова: каждые два дня из туманности прилетают истребители. Бомбят доки, потом исчезают так же внезапно, как появляются. Мы смогли уничтожить один с помощью наших турелей, но наши орудия не предназначены

для стрельбы по быстро движущимся целям. К тому же истребители уже при первых налетах вывели из строя большую часть нашего вооружения. Я послал сигнал о помощи. Какого черта вы так долго летели?!

– Успокойтесь и объясните все по порядку. Что это за истребители?

– Сейчас сами все увидите, – бросил в ответ сарваер, надевая рваную фуражку. – Сегодня они что-то рано...

Джемисон не успел повернуться к операторам радаров, как вдруг один из них поднял вверх руку, обращая внимание на демонстрационные экраны. На одном из дисплеев виднелась пятерка быстро движущихся ярких точек.

– Это еще что за хрень? К бою!

Корабельные сирены разнесли сигнал тревоги по всему крейсеру. Для двух третей экипажа это первый бой. Хотя, если ты находишься в космосе, видишь реальность за бортом только по картинкам мониторов, то от учебной тревоги он мало чем отличается. Толстые переборки не комплектовались звукоизоляцией, поэтому передавали суетливые шаги палубой выше и за стенами капитанского мостика. Все моментально пришло в движение.

Трехсотметровый крейсер спустя несколько секунд оказался на расстоянии выстрела. Враг приближался быстро и, казалось, не обращал внимания на военный корабль. Его интересовали только доки. Яркие огни сопел ослабили: истребители перешли в боевой режим. Не меняя построения, легкие корабли сделали круг над «Новой Кашарией» и отделились на некоторое расстояние. Батареи доков успели сделать несколько выстрелов во время этого маневра, впрочем, мимо цели.

Старпом Джемисон подбежал к связистам:

– Кто это такие?

– Не могу знать, товарищ офицер, – ответил связист Михаэль Немов, нервно жуя зубочистку. – На наш запрос не отвечают, в эфире сигналов нет.

– Ну что за ерунда... Сенсорика, что говорят приборы?

Какое-то время те молчали, потом один хлопнул в ладоши и, быстро щелкнув парой клавиш, перебросил изображение на второй монитор. «Карина», бортовой компьютер, женским голосом прокомментировал появившуюся на мониторе трехмерную модель боевой машины.

– Истребитель дальнего радиуса действия GG-3...

– «Гаргариски»! – шепотом произнес старпом, и добавил чуть громче: – Где капитан? Батареи... ракеты СР-01 с первой по пятую – наведение, огонь по готовности, ракеты СР-3А с первой по третью – заградительный огонь... отрежем каракарцев от доков! Где его черти носят?!

Первые ракеты уже покинули шахты, но компьютер продолжал прокручивать тактико-технические характеристики истребителей противника и комментировать изображение:

– ...разработан для поддержки наступательных операций каракарской армии около четырнадцати лет назад. Особо эффективен против наземных целей, так как способен бомбардировать позиции, находясь вне зоны действия противокосмической обороны. Также эффективен как истребитель для космических станций. Вооружения: две кассетные бомбы Л-56, две кумулятивные тяжелые бомбы ПР-0, спаренный лучемет...

Ракеты не успели достичь цели. Ограничившись запуском трех бомб, «гаргариски» быстро развернулись, сбросили тепловые ловушки-заграждения и, включив маршевые двигатели, скрылись в туманности. Огни их сопел еще светили тусклыми точками в газовых облаках, когда дверь на мостик открылась и за ней появился капитан крейсера.

●○○○○

Тимур Ибрагимов всегда слыл своеобразным человеком. И это своеобразие слабо сочеталось с необходимым для капитана крейсера набором личных и профессиональных качеств.

Мутная и противоречивая история его жизни, каждый раз пересказанная заново, отличалась в деталях, иногда существенно. Одно это уже его дурно характеризовало. А если учесть его довольно высокомерное обращение с подчиненными, можно предположить, что именно думали члены экипажа о назначении этого человека на крейсер.

Если допустить, что Ибрагимов не врал (а в это верилось с трудом), он служил старшим помощником на линкоре Содружества в секторе Центавра под началом адмирала Андрэ Магеллана пять лет назад. Память о войне тех лет, об обороне Альфы, катастрофы Талуриги и других событиях была настолько свежа, что еще не обросла народной молвой и жила в душах выпускников Звездной академии имени Армстронга на Марсе, откуда комплектовался почти весь экипаж «Миража». В классах по теоретической подготовке, по стратегии, по военным наукам детально разбирали военный опыт адмирала Магеллана. В учебных материалах при этом нигде не упоминалось о сколь-нибудь известных заслугах Тимура Ибрагимова.

Так же было известно о разбирательствах на флоте, судебных слушаниях, которые проходили в закрытом режиме. Командование не стало доводить дело Ибрагимова до суда по каким-то им одним известным причинам, назначив командовать штатным крейсером, задача которого – патрулировать дальние пределы Содружества, где могут находиться только ресурсодобывающие компании и работающие на них отморозки.

Феликс Джемисон был не из тех людей, кто верит досужим байкам и слухам среди педагогического состава в академии. Как только он узнал, что их старого капитана, не отслужившего на «Мираже» и года, отправляют на пенсию, а вместо него назначают Ибрагимова, сразу же для карьерных целей навел справки.

Учеба и служба нового капитана «Миража» не отличалась чем-то выдающимся: Военно-космическая академия имени Гагарина на Венере, служба на крейсерах поддержки в составе Центаврийского флота. Через десять лет дослужился до того, что был переведен на должность старпома при легендарном адмирале на линкоре «Защита Рурина». А потом произошло важное событие. Учебники по стратегии рассказывали, что в ходе конфликта за Ребулу соединению флота под командованием адмирала Магеллана было приказано задержать продвигающийся со стороны карантина флот каракарцев.

Земляне в ходе конфликта утратили контроль над Ребулой и всеми силами пытались создать на планете неустойчивый политический режим, а весь сектор Ребулы превратить в зону нестабильности, завалив орбитальное пространство космическим мусором и гравитационными минами. Как учит военно-политическая теория, от буферных систем надо отгораживаться блокпостами и заградительными сооружениями. Возглавить подготовку астроинженерных конструкций доверили флоту Андрэ Магеллана. Адмирал выставил лучшие корабли на пути от Ребулы до Процеона-II – оставшейся за Содружеством удаленной колонии в этом секторе. Именно Процеон-II каракарцы рассматривали как следующее приобретение.

Флот неприятеля заметили в секторе заградительных постов спустя три года, за пять лет до событий у туманности. На пути каракарского флота лежала непригодная для заселения система Форус с тремя планетами-спутниками. Орбитальная станция «Зодиак», висевшая на гелиоцентрической орбите, позволяла землянам совершать переброску сил между блокпостами и налаживать снабжение боеприпасами. Когда Третий каракарский флот подошел к Форусу, Магеллан принял решение разместить корабли Содружества за одной из планет системы, что скрыло бы их от сенсоров неприятеля.

Последовавшие неустановленные события демаскировали флот истиннолюдей, что привело к его частичному уничтожению. Адмирал Магеллан нанес некоторый ущерб противнику, но сильно пострадал, когда линкор «Защита Рурина» прикрывал отступление других кораблей и попал под тяжелый огонь врага.

В ходе разбирательств многие офицеры оказались осуждены за некомпетентные действия, Ибрагимова и еще нескольких оправдали, но карьера их надломилась. Часть из них

ушла на пенсию раньше срока, а кто-то продолжал служить в дальних малочисленных гарнизонах, командовать небольшими крейсерами вроде «Миража», патрулируя горнодобывающие колонии, или окончательно спился на заставе возле астероидного кольца Талуриги, бесславно и бесцельно.

Капитан Ибрагимов, хромая, поднялся на капитанский мостик, окруженный дисплеями и сенсорными панелями, за ним проследовал адъютант Макаров. Их перевели на «Мираж» вместе. Вернее, втроем, если считать перенесенный на «Мираж» блок памяти с искусственным интеллектом линкора «Защита Рурина». Бортовым компьютерам также доступен опыт, и «мозг» линкора мог оказаться полезным при строительстве другого корабля того же класса, но Ибрагимов настоял на том, чтобы компьютер установили именно на «Мираже». Неизвестно, какие он использовал аргументы, но дирекция флота согласилась на этот шаг, учитывая, видимо, те самые мифические заслуги капитана, о которых широкая общественность мало что знала.

– Капитан на мостике! – отсалютовал мичман.

Все как один вытянулись по стройке смирно.

– Вольно... – меланхолично скомандовал капитан. – Ну как, отбили атаку?

– Я удивлен, что вы отсутствовали во время боя, – язвительно бросил старпом, – учитывая, что мы разбудили вас еще на подлете к Аташу. Впрочем, мы справились с противником и без вас.

Ибрагимов не сразу отреагировал на реплику Джемисона. Он неторопливо нажал несколько кнопок на капитанской стойке, запуская автоматический отчет о событиях последнего получаса. Пробежав глазами текст, повернулся к старпому:

– У нас, киборгов, есть такие нужды, которых нет у вас, уважаемый Феликс Джон Джемисон. Я не сомневался, что вы, белковые формы жизни, справитесь с жалкой пятеркой «гаргарисков» и без моего непосредственного руководства. Впрочем, как я наблюдаю, вы не очень-то соображали. И кто приказал стрелять по истребителям ракетами СР-1? Не удивительно, что «гаргариски» скрылись все до одного...

– Я тоже боевой офицер! И я знаю, какое оружие... – продолжил пикировку старпом, но осекся.

Джемисон только сейчас вспомнил что ракеты СР-1, специально разработанные как штатное оружие для уничтожения истребителей, в условиях туманности и газовых загрязнений наводятся скверно. Впрочем, весь его опыт – три года полетов на корабле-тренажере и два года спокойного патрулирования. Единственный бой, который он выиграл – у скопления астероидов Аверс, когда «Мираж» уничтожил два почти безоружных корабля контрабандистов.

– Вы боевой офицер одного боя. Да и то безответного. Как говорит народная мудрость: назвался груздем – иди нахер...

Джемисона всегда это злило, но субординация была для него большей ценностью, чем собственная гордость. Он молча вышел из рубки. Ибрагимов проводил его взглядом, а затем вернулся к отчету. Дочитав до конца, он попросил связистов отправить в доки сообщение о том, что они начинают преследование противника.

– Вы уверены, капитан? Они быстрее «Миража», угонимся ли? – переспросил связист.

– Любой, кто в академии учился, а не кувыркался с курсантками, знает, что «гаргариски» в свободном космосе не летают. У каракарцев в туманности база, с которой стартуют истребители. Если мы ее найдем, гоняться не придется. В туманности у нас преимущество. На высоких скоростях столкновение с атомами газа и пыли для нас не так фатально, как для «гаргарисков», поэтому они будут сбрасывать скорость и станут легкими целями для наших нейтронных орудий. Что касается базы – ее не так-то легко спрятать...

Отдав распоряжения рулевому, Тимур Ибрагимов ушел с мостика через ту же дверь, что и Джемисон.

Крейсер развернулся и, включив маршевый двигатель на самый малый ход, углубился в облако туманности. В свободном космосе не слышны звуки, но когда корабль погрузился в оранжево-красную вату азота, метана, кислорода и бог знает чего еще, каждый смог услышать, как газ и пыль вселенной приливными волнами стучатся в обшивку военного крейсера.

Последующая неделя оказалась чередой несуразностей, происходящих с командой. Все те дни, когда крейсер, как слепой котенок, петлял и натыкался на метеориты и пылевые скопления в туманности, команда, казалось, тихо сходила с ума. Можно понять лоцмана, который сутками напролет вел крейсер в обход блуждающих астероидов, газовых карманов, готовых взорваться, лишь только их коснется ионный поток из двигателя, магнитных вихрей и аномалий, можно понять и стрелков, вглядывающихся в эту пелену в поисках угроз, и злость сенсорики, «ослепших» в туманности на все приборы. Но как понять капитана?

Ибрагимов и раньше был слегка чудаковат, но в последние сутки совсем слетел с катушек. Например, после ссоры со старпомом, он назвал его «тупиковой ветвью эволюции» и облил супом, поясняя, что «такие примитивные формы жизни должны водиться в первородном бульоне мирового океана и, только поумнев, выходить на сушу». Позже мичман заметил, что на складах пропали все шариковые подшипники для лебедок для загрузки в трюмы ракет на военной базе. Когда он пришел сообщить об этом капитану, тот сидел на полу своей каюты и катал по полу несколько шариков, вынутых из подшипников. Несколько – это примерно полведра. Куда он дел остальные две с половиной тонны шариков, болтов и металлического лома, капитан так и не сказал. Еще пару часов спустя, Ибрагимов заперся в шлюзе с ракетами «Заря» с перфо-ключом, выкрикивая ругательства, матерные частушки и угрозы о том, что разберет боеголовки ракет. Учитывая, что это самое мощное на борту оружие, команда приложила все усилия, чтобы заставить его выйти из шлюза. На это ушло восемь часов. Осмотр показал, что ракеты целы.

Чтобы хоть как-то погасить напряжение, Джемисон распорядился, чтобы корабельный кок, добрейшей души толстяк по имени Прол, человек с огромными бакенбардами и здоровенными ручищами, достал из закровов несколько бутылок коньяка. Выпив по пятьдесят грамм, старшие офицеры взбодрились и с новыми силами вернулись к своим обязанностям. Но только не Ибрагимов. Заявив, что выпивка – для низших млекопитающих, он пошел проверять, в порядке ли гравитационный аркан. Зачем ему это понадобилось, неизвестно. Тут, в туманности, вряд ли какой-нибудь корабль пришвартуется к «Миражу».

Туманность по-особому влияет на людей. Виды бесконечной разноцветной – от желтой до красной и багровой – пелены давят на психику. Одно дело лететь в черную звездную бездну, когда сенсоры могут обнаружить и опознать любой объект за сотни тысяч километров. Совсем иное здесь: словно барахтаешься в мутной воде, не понимая, где дно, где поверхность. Но не было в туманности ни дна, ни поверхности, даже системы координат не было. Единственное, за счет чего здесь удавалось ориентироваться – тускло светящаяся в мареве звезда Моро-IV, но и ее саму приборы не видели из-за помех и жесткого излучения.

Джемисон каждые полчаса подходил к сенсорикам убедиться, что крейсер придерживается выбранного маршрута и, ознакомившись с дежурными ответами, убеждал себя, что «Мираж» идет в верном направлении. Ориентируясь по звезде, корабль сделал протяженную дугу вокруг двух планет системы, втянутых в туманность и вакуумную каверну. Входить в агрессивную среду жесткого излучения было слишком опасно, так как неэкранированный корабль мог получить избыточное облучение.

Их поиск закончился на обратной стороне каверны Моро-IV. Джемисон не знал даже, радоваться или нет, когда крейсер натолкнулся на металлические обломки и повредил один из носовых двигателей, а приборы, прощупывающие пространство, сообщили о ракетной атаке.

На одном из мониторов появилась пятерня Тимура Ибрагимова.

– Щас, щас... – повторял капитан.

Джемисон нервно ударил кулаком по микрофону и раздраженно выпалил:

– Мы получили сигнал, они приказывают нам сбросить маршевый двигатель. Ракеты накроют нас через пять минут. Мы не можем их сбить, встречное излучение звезды не дает противоракетам наводиться, черт бы их побрал, а тепловые ловушки их ракеты не увидят из-за газов!

Капитана Ибрагимова это, казалось, не очень волновало. Он показался из-под стола, лицо попало в фокус камеры. Он явно что-то прятал за спиной.

– Сбрасывайте...

– Если мы сбросим двигатель, как мы вылетим обратно?

– У нас есть вспомогательные. Будем лететь на них...

Ибрагимов отсоединил камеру от терминала в каюте и вместе с ней вышел на палубу. Судя по изображению, двигался напрямик на капитанский мостик. Хотя бы иногда он делал то, что должен был.

– На вспомогательных мы будем лететь к Аташу месяца полтора!

– У тебя есть мозги? Ты, биомасса! Лучше лететь полтора месяца к Аташу, чем с такой же скоростью в разные стороны. А так и будет, если ты сейчас не сбросишь двигатель!

По корпусу пробежала волна, послышался скрежет обшивки. Изменившаяся гравитация на крейсере через мгновение компенсировалась гравитронами корабля, но все равно люди попадали на пол. Когда капитан появился на мостике, офицеры и специалисты уже успели подняться на ноги. Связист срочно передавал неприятелю, что двигатель сброшен.

Сработали уцелевшие носовые стабилизаторы, они развернули крейсер так, чтобы видеть, куда полетел двигатель. Крейсера этого проекта снабжались устаревшими протонными расщипителями, позволявшими кораблю достигать сверхсветовых скоростей, и имели системы срочного сброса маршевых двигателей в случае угрозы взрыва, скажем, при разрыве нейтронного кольца. Вторая система – вспомогательные стабилизаторы – тоже была, но предназначалась, прежде всего, для поворота корабля. Перенаправив туда всю энергию, можно заставить крейсер лететь, но в таких случаях корабль летал несравнимо медленнее.

– Зачем он приказал сбросить двигатель? – спросил подошедший на мостик офицер огневой батареи Зигфрид Кеплер.

Вопрос повис в воздухе.

В этот момент и раздался взрыв. Он оказался таким мощным, что боковые стабилизаторы не сразу смогли компенсировать удар. Компьютер тут же сообщил о некритических повреждениях двух палуб. К счастью, противник подорвал свои ракеты до того, как они приблизились на опасное расстояние. Плавающий в мареве двигатель от взрыва не пострадал, он находился для этого достаточно далеко. Наверное, попади ракеты в крейсер, протонный расщипитель зацепило бы его осколками. Не закрой крейсер собой двигатель, тот был бы противнику уже не нужен.

– Они просят вывести на экран... – раздался голос связиста, когда все только отходили от шока нападения.

Старпом кивнул в ответ.

На мониторе показался рослый человек с закрытым маской лицом. Остальные его характеристики – внешность, форма, даже голос – сильно искажались излучением звезды. Сложно было разглядеть хоть что-нибудь. Впрочем, на «Мираже» уже знали, что имеют дело с каракарами.

– Здравствуйте, экипаж славного крейсера землян! – произнес каракарец хриплым от искажений голосом. – Преор-прециат заинтересован в вашем маршевом двигателе и готов отпустить вас, если вы дадите нам возможность забрать его. Мы готовы...

Сигнал пропал, но говоривший, очевидно, зафиксировал, что на крейсере его услышали.

Джемисон стиснул зубы и изо всех сил пнул стойку навигации. Они угодили в ловушку. Противник посылал из туманности истребители, чтобы заманить в туманность корабль, укомплектованный маршевым двигателем. Разумеется, такую сложную аппаратуру как протонный расщипитель нельзя сразу установить на любой из каракарских кораблей, но это вопрос технический и, что важнее, вопрос времени.

Двигатель, плавающий в открытом космосе, неожиданно оказался в тени. Ибрагимов жестом велел сенсорикам развернуть камеру обзора на девяносто градусов. Так и есть: Моро-IV закрыл собой огромный, раза в четыре больше «Миража», каракарский тяжелый дредноут.

– Прошу, вы, жалкие эволюционные отпрыжки, – воскликнул Ибрагимов, – это тяжелый каракарский дредноут проекта 76 361, класса «Дриада». Вооружен легкими противоспутниковыми ракетами «Пламя», противокорабельными ракетами «Триакра», ракетами «орбита-земля» типа «Гаситель звезд», оружием массового поражения, пятью спаренными лучеметами, тяжелой нейтронной турелью, трехствольным бластером на разогнанных фотонах для уничтожения орбитальных станций, имплозивными бомбами, минами. Но все это полная ерунда по сравнению с тем, что в их команде есть бортовой телепат!

Тут он достал из внутреннего кармана кителя то, что еще в каюте прятал за спиной – бутылку крепчайшего коньяка из тех, что были на борту. Не стесняясь никого, открыл зубами пробку и сделал три больших глотка, после чего развернулся и вышел из рубки, оставив команду пораженно смотреть на шедевр каракарской военной инженерной мысли.

– Куда он намылился? – выпалил Джемисон.

Связист сразу загрузил связь с палубой, где находился капитан. Тот шел, держась рукой за стенку. Алкоголь уже дал о себе знать.

– Что нам теперь делать?! – крикнул Ибрагимов старпом.

– Ничего уже не поделаешь. Наведите оружие на них. Попробуют приблизиться к двигателю – палите из всего, что можно. Умрем героически! Эх, гомосапиенсы, всему вас приходится учить...

Дредноут вышел из каверны довольно необычно, плашмя, словно прилипнув к газовому мареvu туманности. Обычно при проникновении в среду повышенной плотности стараются снизить до минимума проникающую поверхность, чтобы рассечь ее. Нож входит в масло лезвием вперед, человек ныряет головой вниз, а лопата входит ребром в снежный сугроб. Но большой корабль мог себе позволить что угодно. До этого казалось, будто смотришь, как сквозь воду. Теперь же разность в плотности среды не мешала разглядеть каракарскую махину.

Джемисон вспомнил, что в прошлом году произошла какая-то приграничная стычка в соседней звездной системе между сторожевым линкором Земли и двумя дредноутами каракарцев. Один из них удалось уничтожить, заманив ближе к заминированной планете. Размещенные в стратосфере мины, скрытые от сенсоров высоковольтными бурями, уничтожили один корабль противника. Другой корабль они сильно повредили, но он смог обеспечить оборону и уйти в сторону карантина. Видимо, перед ними и был тот линкор, что не долетел до карантина на поврежденном двигателе и теперь отважился на опасную авантюру в туманности.

Дредноут проплыл мимо крейсера, демонстрируя обожженный и разрушенный бок и двигатель. Часть верхних палуб, вышки жизнеобеспечения и стыковочные блоки были искорежены сильными взрывами. Единственный целый шлюз – нижний. Видимо, через него отчаливали «гаргариски», нападавшие на орбитальные доки «Новой Кашарии». Борт корабля продолжал разрушаться: агрессивная среда каверны подпортила правую часть дредноута – небольшие куски борта продолжали крошиться и отваливаться, улетаая в пространство. Скорее всего, экраны судна также повреждены в прошлогоднем боестолкновении, однако корабль

все же рискнул войти в каверну до прилета «Миража», чтобы не выдать себя и не дать навестись противоракетам.

Ибрагимов не зря спровоцировал панику. Если не считать оружия массового поражения на борту «Миража», совокупное вооружение крейсера не позволяло уничтожить дредноут или хотя бы серьезно его повредить.

«Если я подумал об оружии массового поражения, значит, противник о нем теперь тоже знает», – решил Джемисон. Но чтобы уничтожить двигатель, оружия у крейсера предостаточно. А учитывая, что протонный расщипитель для противника сейчас важнее, чем «Мираж»...

Корабли разошлись на расстояние пяти километров и развернулись носом друг к другу. Аккурат между ними плавал сброшенный маршевый двигатель.

Михаэль Немов кашлянул, привлекая внимание старпома. Тот не сразу повернулся.

– Они не могут восстановить связь, прислали текстовое сообщение, настаивают на нашем немедленном уходе...

– Датчики фиксируют, что каракалцы навели орудия! – перебил связиста сенсорик Плахов.

Джемисон вздрогнул и вновь посмотрел на экран.

Стоящий рядом офицер Кеплер, командир огневой батареи, почесал затылок, потом сунул руку в карман и достал платок. Отерев пот со лба, он предложил также навести орудия в ответ.

– С одной стороны, они могут нас уничтожить. Их оружие мощнее, точнее и скорострельнее. Они говорят, что отпускают нас, – промычал Джемисон, пытаясь вслух разобраться в ситуации, – но если смотреть дальше... они целый год барахтались в космосе после того инцидента. С трудом нашли туманность, с трудом заманили сюда нас. Сейчас они не стреляют не потому, что у них благие намерения, а потому, что при атаке могут повредить наш двигатель. Кроме того, в доках знают, что мы вошли в туманность. Сюда придут линкоры и прочешут все. Вряд ли покалеченный дредноут сможет защитить себя от наших кораблей...

Зигфрид покачал головой, но все-таки переспросил:

– Так что прикажете делать?

– Продолжайте держать их на прицеле... При попытке приблизиться к двигателю открывать шквальный огонь...

Он знал, что телепат уже прочел все эти его мысли. На это и рассчитывал.

●○○○○

В столовой в этот час было пустынно. Прикусив губу, Ибрагимов прошел и сел в центре зала, выставив на стол выпитую на две трети бутылку венецианского коньяка. Убийственное пойло разлилось по жилам, отчего соображал капитан туго и его трясло.

Некоторое время Ибрагимов разглядывал коньяк. Потом приложился к горлышку и, не отрываясь от него, лег щекой на столешницу, уложив на бок и бутылку. Идея пить таким манером пришла к нему совсем недавно и казалась весьма оригинальной. А главное – не проливается. Высосав еще грамм двести коньяка, Ибрагимов вернул бутылку в вертикальное положение.

– Кто-нибудь может накормить несчастного киборга?! – заорал он.

На звуки пьяного рева вышел из кухни Прол Юрьев с полотенцем через плечо, в растянутой майке и с тарелкой в руках. Кок, как всегда, выглядел невозмутимым и даже веселым. Впрочем, улыбался он обычно без каких-либо причин – ему нравилось жить. Тимур Ибрагимов и сам однажды пытался прожить так недельку – постоянно улыбаясь. Только на третий день лицо у него заболело от натуги. Интересно, с чего Прол начинал свою улыбчивую жизнь? – гадал он. Люди, что забивают себе гвоздь в ноздрю на цирковой арене, тоже ведь с чего-то начинают...

- Чего вам, капитан?
- Посиди-ка со мной...

Услыхав эту простую просьбу, Юрьев почему-то шире прежнего заулыбался, прошел к столику и сел напротив. Вместе с тем, он продолжал вытирать краем полотенца уже и без того сухую тарелку.

- Чего делать-то будем, Тимур Магометович? Помирать, что ль?

– Знаешь, Проща... – в задумчивости пробормотал Ибрагимов. – Я в свое время служил под началом самого адмирала Магеллана! А он был замечательный человек. Хитрый, как лис, и свирепый, как гаргариск. Мы с ним в таких передрягах бывали! Как-то однажды перед боем за систему Караш разведка сообщила, что небольшая группа кораблей откололась от флота противника и движется в нашу сторону. Мы сидели с ним вдвоем в столовке... ну вот как мы с тобой сейчас сидим... и я его спрашиваю: «Андрэ, их больше, и корабли у них помощнее наших, что делать будем?» Он посмотрел на меня такими добрыми глазами. Ну, знаешь, он всегда так смотрел... взгляд у него, как улыбающийся. И говорит: «Ты всегда забываешь про каракарцев одну вещь». Я ему: «Какую?». А он снова так долго-долго посмотрел. И говорит: «Уж тебе ли не знать – каракарцы всего лишь люди».

Кок наконец-то оторвал полотенце от тарелки и поставил ее на соседний стол. Пытаясь уловить мысль капитана, он уперся руками в свои толстые бедра и склонил голову. Ибрагимова это рассмешило. Эдакий алкогольный смех, когда не понимаешь, отчего смешно, но тянет смеяться, и все тут.

- Не понимаешь?

– Не то чтобы не понимаю, – оправдался кок. – Просто не совсем ясно, что именно он тебе хотел сказать.

- Он хотел сказать...

Вовремя спохватившись, Ибрагимов схватил бутылку за горлышко и сделал еще пару глотков.

- Похоже, это конец. Тягаться с «Дриадой» – никаких шансов...

- Может, вам стоит завязывать с алкоголем?

Но алкоголь был именно тем, чего не следовало отбирать у капитана. Как только Юрьев сделал попытку забрать бутылку, Ибрагимов железной хваткой остановил руку кока. Минуту они сидели так, потом капитан отпустил Юрьева.

- Принеси в мою каюту все спиртное, что есть на корабле. Это такой приказ, понимаешь?

Кок кивнул капитану и отправился дальше мыть посуду, не вдаваясь в размышления о том, зачем капитан прибирает к рукам весь коньяк. Пусть лучше он все выпьет, чем команда. Пьяный руководит подчиненными лучше, чем трезвый – пьяными.

Как только Прол скрылся на кухне, дверь в столовую распахнулась, и вошел Джемисон. За ним – двое солдат. На старпоме не было лица.

– Ну что, обезьяны?! – проорал Ибрагимов. – Обожаю игры с отрицательной суммой. Что говорят наши контрагенты?

- Вы пьяны!

– Так и говорят? Проклятье! У них точно есть телепат! – выдал Ибрагимов алкогольную шуточку.

Вскакивая из-за стола, капитан задел рукавом кителя бутылку. Та полетела на пол, расплескивая содержимое, и это моментально остудило Ибрагимова. Он кивнул, как показалось, соглашаясь сам с собой, поднял бутылку и пару раз попытался вновь поставить ее на столешницу, но – кверху дном. Когда же ничего не вышло, сплюнул и вышел из столовой. Старпом и подчиненные – следом за ним.

Пройдя несколько пролетов, Ибрагимов обернулся.

- Лично я иду поссать! Можете за мной не ходить, я справлюсь, – предупредил он.

– Где ваш адъютант? – спросил Джемисон.

– Да, сегодняшняя обеденная картошка была ничего, но я бы еще немного подсолил! – не к месту отвечал Ибрагимов, направляясь далее по коридору.

Некоторое время Джемисон стоял посреди палубы, глядя вслед удаляющемуся капитану. Иногда он задавал себе вопрос: кто на этом крейсере капитан – он или Ибрагимов? Как возникла первая серьезная опасность, так он пьяный в хлам! Злость вновь захлестывала его. Как тогда, на мостике.

– Ну вот какого хера он про картошку? Я его про адъютанта, а он мне, мать его, про картошку!

– Вы же его знаете, мистер Джемисон, он всегда любил такие, как он выражается, асимметричные ответы...

Тошнота подступала к горлу, но Тимур Магомедович держался. Прислонившись к холодному зеркалу, он пытался сконцентрироваться, но не получалось. Кондиция. Не справляясь со своим телом, Ибрагимов уперся двумя руками в зеркальную поверхность и оторвал от нее покрытый испариной лоб.

– Изображение на зеркало!

Серебро зеркала померкло и растаяло, на экране появилось трехмерное изображение худенькой темноволосой девушки лет двадцати пяти, покрытое цифровой рябью.

Интерфейсы бортовых компьютеров программируют так, чтобы создать максимальный комфорт для общения с ними капитана и экипажа: похожими на людей, с человеческой мимикой, характерными для человека эмоциями, реакциями, энергией, стремлениями, с человеческим характером. Они разве что не стареют. Это и нравилось, и раздражало Ибрагимова: она совсем не изменилась...

– Привет, Карина...

– Здравствуйте, Тимур Магомедович.

– Вот нам выпало дельце... иногда я скучаю по старым добрым бомбежкам Ребулы. Нам ведь нельзя падать духом, верно?

– Все получится, капитан! Не сдавайтесь.

Ибрагимов чуть улыбнулся. Он сам заложил эту фразу в список ее реакций. «Не сдавайтесь». Вроде как сам себе сказал. Но так, поддерживая самого себя посредством цифровых алгоритмов бортового компьютера, он чувствовал себя сильным.

– Скажи, бывает ли дружба между человеком и искусственным интеллектом?

– Конечно, бывает, – ответила девушка-компьютер. – Дружба – это попытка двух сторон прийти к максимальной определенности во взаимопонимании при достижении неопределенных целей. Мы с вами к этому стремимся. Поэтому нас побоялись разлучить...

– Мне понадобится помощь тогда, когда я перестану быть капитаном, – пробормотал он, потирая шею.

Неожиданно ему стало так жаль себя, что слезы спяну навернулись на глаза. Омерзительное чувство. Уже тогда он понял: ему будет стыдно перед собой за эту слабость, когда алкоголь выветрится. Ибрагимов расстегнул верхние пуговицы кителя, обнажая многочисленные продольные шрамы на ключицах.

– Это очень... своеобразная просьба.

– Что надо выполнить?

– На нашем крейсере пять боеголовок «Заря»...

На экране вместо девушки появилось изображение отсека, в котором находились размещенные в шахтах ракеты: небольшие стержни по семь метров в длину, увенчанные кони-

ческими намерениями. Оружие геноцида, достаточное, чтобы уничтожить несколько городов. Однажды Ибрагимову уже довелось применять такие ракеты.

– Когда кто-нибудь откроет мой личный сейф, даже если это буду я сам, что бы ни произошло, – ты должна их взорвать. К тому времени со мной может случиться все, что угодно, могут произойти любые непредвиденные события. Но – что бы ни произошло, взорви эти чертовы ракеты. Поняла?

Изображение шлюза вновь сменила фигура улыбающейся девушки.

– Новые отметки в аварийный протокол для «Карина-0239». Конечно, капитан, будет исполнено!

II

Шок постепенно проходил, но нервозность, связанная с взаимно наведенными ракетами, оставалась. Минуты три часа, а корабли не изменили курса, так и плыли друг напротив друга с двух сторон от маршевого двигателя.

Джемисон и Кеплер стояли у центрального экрана и о чем-то спорили, когда открылась дверь и вошел капитан Ибрагимов, как всегда хромая и держась за стену. «Капитан на мостике!» – единственное, что успел выпалить следовавший за ним адъютант Макаров перед тем, как Ибрагимова вырвало прямо на приборную доску для минус-связи слева от входа. Вытерев рукавом губы, капитан прошел к пультам и сделал руками несколько пазов над ним.

– Доложите! – прохрипел он, сплевывая на пол остатки обеда.

Команда молча переглянулась.

– Вашу мать! Доложить!

Зигфрид Кеплер сделал два шага к капитану, вытянулся по стойке смирно и рассказал о происходящем:

– Товарищ капитан, когда противник навел на нас орудия, мы прицелились в ответ, а также взяли на мушку двигатель. С тех пор происшествий не зафиксировано, за исключением того, что один из истребителей GG-3 вылетел из нижнего шлюза дредноута, облетел на значительном расстоянии протонный расщипитель и вернулся в шлюз. Попыток связаться с нами больше не предпринималось. Мы сами сделали одну попытку, хотели прояснить цели противника, но помехи искусственного происхождения не дают нам настроить связь.

– Значит, они боятся повредить его, свиньи... – буркнул себе под нос Ибрагимов. – И улететь мы просто так тоже не можем. Кто знает, выполнят ли они обещание, если двигатель окажется вне нашей досягаемости. Вполне могут догнать и пустить ракету-другую нам в зад. Нам такие ректальные свечки не нужны. Правильно, старпом?

Джемисон, раздраженный растрепанным видом капитана и перегаром, который тот источал на весь отсек, молча кивнул и отвернулся к экрану.

Как раз в этот момент шлюз на «Дриаде» вновь открылся и оттуда тихим ходом вылетел истребитель-«гаргариск». Меняя скорость, он приближался к двигателю. В одиночку он, конечно, мог бы отбуксировать его на дредноут. Но, чтобы покинуть туманность, экипажу дредноута следовало какое-то время интегрировать расщипитель в системы корабля, так что Джемисон не особо волновался: уничтожить этот ценный агрегат они могли в любой момент.

«Гаргариск» приближался к двигателю не с постоянной скоростью, скорее рывками. Приблизится – замедлит ход и вновь наращивает обороты. Пару раз он даже давал небольшой и неуклюжий задний ход. Вот истребитель перешел черту, до которой долетал его предшественник. Намерения противника становились очевидными – он тестировал, насколько команда «Миража» готова действовать. Команда действовать оказалась не готова.

– Ну, хорошо! – констатировал шатающийся Ибрагимов. – Как говорит народная мудрость: жизнь человеку дается один раз, и в основном случайно... Какое у нас есть оружие?

Кеплер щелкнул пальцами и на дополнительных экранах появились списки вооружений:

– В боевой комплектации ракеты CP-01, CP-3A, CP-05, CP-12 «Закат», CP-19 «Заря», нейтронная пушка, магнитные мины класса «Ово», два трехствольных лучемета, но боезапас небольшой, мы решили сэкономить на боезапасе и взять больше провианта.

– Зарядить ракету CP-05.

Кеплер несколько секунд молчал, потом покачал головой:

– Сняты с боевого дежурства, нужно полторы минуты.

– Чертовы обезьяны! – завопил Ибрагимов. – Я же спросил: какое у нас оружие. Естественно, я имел ввиду действующее! Как сложно работать с людьми, они не соображают, чего от них требуешь. Вашу мамашу, что у нас есть из действующего оружия?

– Малые ракеты СР-01 и СР-3А, лучеметы и нейтронная пушка.

Нейтронное оружие всегда влекло Тимура Ибрагимова: выстрелы эффектно освещали космос желтыми всполохами. Впрочем, в этом своем эстетстве капитан никогда не признавался ни нынешнему экипажу, ни предыдущему, и сам считал это непростительной слабостью.

Ибрагимов нажал несколько кнопок на пульте корректировки стрельбы и ввел капитанский код разрешения открыть огонь.

– Отлично, залп!

Кеплер подошел к пульта стрельбы и передал на батарее приказ стрелять по двигателю. Очевидно, на дредноуте заметили их активность, так как «гаргариск» остановился, не приближаясь более к двигателю.

Установленная в центре верхней палубы нейтронная пушка зажужжала роторами и сервомоторами, разворачиваясь прямо по курсу. Как на учениях, стрелки быстро навели орудие на двигатель. Кольцевые ускорители засветились ярким желтым пламенем. Шел этап заряда нейтронов.

– Стойте! – закричал Джемисон. – Вы что, не понимаете?! Если мы уничтожим его, у них не будет причин, чтобы не покровсать нас в капусту! Ты ополоумел, что ли, Тимур?

– Заткнись, простейшее, – бросил ему презрительно Ибрагимов, отворачиваясь к большому экрану.

Яркий всполох закрыл обзор ослепительными разводами. Словно протуберанцы солнца коснулись обшивки корабля и улетели туда, дальше, в сторону дредноута. От выстрела корабль вздрогнул и заскрипел, казалось, от удовольствия. Обшивка промурлыкала как кот, наевшийся сметаны.

Выстрел прошел рядом с двигателем, немного его обжигая. Серебряное покрытие сменилось темным налетом копоти и окислов реакции с газами туманности. Все поняли, что именно произошло, даже Джемисон, хотя последний отказывался верить сперва в то, что капитан способен расстрелять двигатель, а потом и в то, что Ибрагимов собьет прицел. Враги это тоже поняли. Истребитель метнулся, как испуганная брошенным в озеро камнем рыба, и вскоре исчез в ангарах «Дриады».

– Получилось... – пробормотал Ибрагимов. – Сопротивление все-таки возможно...

Он до конца не соображал и даже не верил, что можно обмануть противника. Да, казалось, что телепат должен все знать, все видеть. Но есть моменты...

Ибрагимов развернулся к выходу и, хватаясь за стену, побрел обратно в жилые отсеки. Наверное, только он понимал, что делать дальше, а его команда так ни о чем и не догадалась. Ибрагимов знал, они всего лишь люди. И поэтому радовался промежуточному успеху. На переходе к нижней палубе он достал из кармана кителя недопитую бутылку коньяка и ухмыльнулся.

– Как ни крутись – а жопа сзади!

День выдался на редкость пасмурный. Слишком пасмурный для серьезных дел. Даже климатогенераторы, работавшие на полную мощность, не могли преодолеть шторм. Тяжелые капли дождя молотили по проезжей части, но практически моментально впитывались в асфальтопластиковое покрытие дороги. Вершины домов, высившихся до небес, скрывались за нависшими над городом облаками.

Перед ним высилось здание военно-космического трибунала. Слишком красивое, чтобы отвечать своему назначению. Широкая лестница тянулась вверх к массивным дверям. Но времени прохладиться не было. Да никто бы и не позволил.

– Двигай! – прикрикнул на него конвоир, а для убедительности еще и толкнул прикладом кинетической винтовки в спину.

Пришлось слушаться.

Подъем давался тяжело. Еще не сросшиеся швы на бедре и под ребрами настойчиво заявляли о себе. Хватаясь обеими руками за перила, скованный наручниками, он смог одолеть половину ступенек. Потом остановился отдышаться. Все тело ныло. Отвыкло от нагрузок, пока он лежал в госпитале. Да и какая-то бесконечная усталость одолела после событий на Форусе. Словно он устал и за себя, и за всех тех, кто не дождал до нынешнего злополучного момента.

Перед глазами пронеслись искры. Как тогда. Он упал на ступени, но вскоре руки охранников подняли его и привели в чувство. Может, это иллюзия, но по лестнице к нему спускалась министр войны.

– Госпожа Мурено, – прохрипел он, а после удивился своему голосу, – должно быть, я не справился...

– Не говори глупостей, Тимур...

Она отстранила охранников и сама помогла Ибрагимову подняться по лестнице. Путь со старой знакомой казался уже не таким тягостным, как дорога от фургона для заключенных. Наверное, и судебный процесс Трибунала будет таким же... спокойным.

Внутренние помещения здания топили в обилии света и белого мрамора, но почему-то казалось, что дождь льет и здесь: то же мерзкое чувство и тот же холод. Ибрагимов жестом указал на ближайшую скамейку, Аврора Мурено подвела его к ней и усадила. Несколько минут Ибрагимову понадобилось, чтобы собраться с мыслями и перевести дух, да и швы, так неприятно нывшие, должны были успокоиться.

– Ну что, Тимур, все произошло, как мы и ожидали?

– Хуже...

Министр покачала головой. Опасения – вещь, что становится значимой лишь в момент свершения.

– Как твоё здоровье? Починили?

– Ну да. Сам себя не узнаю. Этот голос тоже...

– Ну, ты теперь, считай, киборг! – попыталась она его подбодрить.

– Да, и мне это нравится... Скорее бы уже все разрешилось.

Вскоре появился прокурор. Он вышел из малого зала, а значит, слушание состоится в закрытом режиме, как просило следствие. После обычных приветствий и представлений, они втроем прошли в зал. Народу немного: три судьи трибунала, две женщины и мужчина, министр в качестве наблюдателя, робот-пристав, адвокат и прокурор. Впрочем, двое последних находились тут для формальности – это еще не судебный процесс, судьи проясняли некоторые детали произошедшего и определяли позиции сторон.

– Заседание объявляю открытым, – произнесла судья Протасова.

Вот все и началось.

Ибрагимова усадили на место для допросов и приставили робота-охранника. Сложно сказать, чего они так боялись: серьезно пострадавший, провалявшийся долгий невыносимый месяц на больничной койке, Ибрагимов вряд ли представлял для кого-либо угрозу. Более того, он и ходил-то еле-еле, по лестнице взобраться самостоятельно не смог. Скорее всего, этого требовал протокол. Сам же Ибрагимов никогда прежде не представлял перед трибуналом, не знал процессуальную часть.

– Капитан Ибрагимов, опишите, пожалуйста, что произошло сорок третьего анкинбрия семнадцатого года в звездной системе Форус, – произнес мужчина.

– Все есть в бортовых журналах, уважаемый...

Судьи начали перешептываться, но продлилось это не долго. Слово взяла судья Афана-сьева:

– Капитан первого ранга Ибрагимов, мы изучили записи сохранившихся бортовых жур-налов, однако те написаны посредством нецензурной лексики, и нам пришлось созывать специ-альную психолингвистическую комиссию. Сейчас же мы хотим от вас узнать что, – по вашему мнению, – произошло в системе Форус сорок третьего анкинбря прошлого года. Уверяю вас, бортовые записи изучены и им уже дана оценка. Нас интересует, что вы об этом думаете. Начните с донесения разведки тринадцатого октября.

Перед Ибрагимовым на панели располагались три кнопки. Он нажал зеленую, из специ-ального отсека выехал стакан с мутной жидкостью, которую тут все почему-то называли водой. Глотнул немного, кашлянул, но хрипота в голосе не прошла. Собравшись с мыслями, Ибрагимов начал:

– Как вы правильно заметили, госпожа судья, тринадцатого прилетел истребитель «Филин» и принес донесение о том, что Третий каракарский флот собирается у Ребулы. Пилоты засекли колебания пространства, какие бывают перед скачком. Адмирал Магеллан предлагал втянуть каракарцев в позиционный бой у Процеона-II, а потом захлопнуть ловушку, прижав их корабли к верхним слоям атмосферы. Тот, кто изучал стратегию, знает, что прижать вражескую эскадру к планете ограниченными орбитальными силами – чистейшее самоубийство. Ущерб планетарных батарей будет настолько огромным, что угрожая можно не ждать еще лет пять-шесть, не говоря уже о разрушении пяти городов, построенных Цен-таврйской торговой кампанией. Слишком сильно излучение при взрыве нейтронных колец на большой высоте.

Офицеры корабля, которых я созвал, осудили план Магеллана. И тот пошел на уступки, так как был весьма зависим от мнения экипажа.

Вернувшись к ранее рекомендованному генштабом плану по обороне в секторе Форуса, мы установили ряд генераторов электромагнитного шторма, чтобы противник не смог свер-нуть пространство, не пройдя мимо Форуса. Магеллан предлагал встретить вражеский флот на гелиоцентрической орбите и под прикрытием станции «Зодиак» атаковать боевое соединение неприятеля. Я назвал эту затею явным признаком дегенерации тканей головного мозга и предложил другой план – спрятать корабли за одной из планет системы. Пока про-тивник будет рыскать в окружающем пространстве, мы...

Тут голос его пропал – это судья Протасова нажала кнопку, и волны встроенного излу-чателя отключили сектор мозга, отвечающий за контроль над голосовыми связками. Ни кри-ков, ни эмоций при рассмотрении дела.

– Простите, Тимур Магометович, – встрял третий судья Дмитриев. – Вы хотите ска-зать, что во время операции нарушали указания капитана, давили на него и действовали по-своему?

Голос вернулся к Ибрагимову.

– Пусть все выйдут кроме министра и судей...

Когда дверь за его спиной закрылась, Ибрагимов испытал облегчение. Когда же отво-рилась вновь, он повернулся, ожидая увидеть в дверном проеме возбужденного Джемисона с новым ворохом обвинений. Увы, то был командир батареи Кеплер.

– Товарищ капитан, мы можем с вами поговорить? – спросил он.

– С тобой мы можем поговорить в любое время.

Ибрагимов спрятал коньячную бутылку в карман и жестом предложил прогуляться по палубе.

Зигфрид Кеплер выделялся среди всех старших офицеров крейсера «Мираж», хотя внешне казался тихим, неприметным и спокойным. Вопросы субординации были для него важнее всего прочего, а репутация – и вовсе высшей ценностью. Как истинный и достойный представитель своего народа, Кеплер всегда любил порядок, честность, исключительную правильность, объективность и точность во всем: в делах и словах. Иногда он вызывал раздражение своим кажущимся формализмом, зато в деле проявлял твердость и надежность. Дело для Зигфрида всегда оказывалось важнее каких-либо идеологем, отношений между людьми и прочих отвлекающих моментов.

Прошли по нижней палубе до второго поворота, где командир батареи сделал несколько поспешных шагов вперед, перекрывая путь капитану, и жестом предложил свернуть.

Никто в точности не знал, где расположена каюта Кеплера: тот никогда и никого к себе не приводил. Считал каюту члена экипажа личной территорией, а потому и сам не заходил к другим, даже если его звали. Сам Ибрагимов не подозревал, где же находится каюта Зигфрида, не выяснял, уважая небольшую странность своего офицера.

– Сюда. Прошу...

Ибрагимов переступил порог и оказался словно в ботаническом саду. Везде – на подоконнике у окна-монитора, на книжных полках, на рабочем столе, в кадках на полу – росли цветы и самые разнообразные растения. От двухметровых кактусов тригоны до фикусов, дифенбахий и лилий. Разве что на кровати и небольшом участке рабочего стола не было цветов. Даже под потолком натянута были веревки, по каким вились ползучие растения.

– Ни хрена у тебя тут огород, Зигфрид, – промычал Ибрагимов. – Слушай, я и не знал, что ты такой поклонник растительности. Хотя, конечно, это очень важная деталь, и я как капитан должен был это знать...

– Наверное, вы правы, Тимур Магометович.

– Слушай, а у тебя тут насекомые какие-нибудь есть? Ни разу не видел живого таракана... Кеплер пожал плечами. Должно быть, тараканов все же не водилось.

Прошли в каюту. Ибрагимов опустился на диван, Кеплер – на стул у рабочего стола. Несколько секунд молчали. Капитан разглядывал окружавший их зимний сад. Отчего Зигфрид сделал для него исключение и пустил к себе? Видно, разговор предстоял действительно важный.

– Так что ты хотел обсудить, Зиг? – спросил Ибрагимов.

– На борту готовится мятеж, товарищ капитан, я счел важным сообщить вам об этом. Некоторые офицеры, хм... недовольны тем, что вы... как бы это сказать, злоупотребляете. Ходят слухи, будто вы не знаете, что делать, и мы скоро все погибнем, если так продолжится. Зачинщики из числа офицеров уже предлагают варианты действий, которые позволят нам обезопасить себя...

Ибрагимов ухмыльнулся. Он догадывался, конечно, о ком идет речь.

– И чего они хотят?

– Есть план вступить в переговоры. Противник боится двух вещей – что мы уничтожим двигатель и что применим ракеты «Заря». Многие думают об этом. Если мы отойдем достаточно далеко, то сможем применить ракеты, не попадая в зону поражения. Тогда у нас есть шанс не оказаться обманутыми. Мятежники захотят торговаться. Это их предпоследний шанс.

Насчет последнего шанса Ибрагимов не хотел ничего узнавать. Последний раз, когда такое на его памяти случалось, в системе Форус, погибла целая группа кораблей. А вот переговоры – та самая тема, где надо держать руку на пульсе. Мало ли что.

– Интересно, и что эти беспозвоночные хотят выторговать у каракарцев?

– Этого я не знаю. Ясно только, что цели сторон определились. Мятежники думают увести корабль, а каракарцы потребуют отдать ракеты «Заря». На честное слово никто не готов

положиться, это справедливо, учитывая невысокую мораль обеих сторон. Но вы... я пришел именно потому, что уверен в ваших способностях дипломата.

Ибрагимов кивнул, встал с дивана и направился к выходу, махнув Кеплеру, чтобы тот следовал за ним. У поворота на кают-компанию он резко остановился и повернулся к Зигфриду. Несколько мгновений простоял молча, подняв вверх указательный палец и пытаясь сформулировать мысль, явно искаженную опьянением.

– Когда меня пойдут низлагать, я хочу, чтобы в этот момент ты находился на батареях со всей своей командой. Когда бы это ни произошло, чтобы ни случилось. Выполни данное мною распоряжение. Момент истины, понимаешь...

Когда Ибрагимов доковылял до кают-компания, там шли ожесточенные дебаты о путях разрешения ситуации с каракарцами. Голоса заметно стихли, когда появился капитан. В центре, как он и ожидал, столпились высшие офицеры, включая, конечно же, Джемисона. Последний находился в фокусе всеобщего внимания. Когда появилось начальство, он немного побледнел, но, тем не менее, выглядел раздраженным и уверенным в себе.

– Вам помочь или не мешать? Надеюсь, вы затеваете не какую-нибудь ерунду, верно? – бросил Ибрагимов, войдя в круг собравшихся и садясь в кресло. – У меня появилась свежая идея. Мы попробуем провести переговоры!

– Очень своевременно, – выпалил кто-то.

– Да-да, это мы и сами уже решили, – подхватил другой.

Кто именно это выкрикивал, капитана не очень волновало. Он поглядел по сторонам, надеясь найти своего адъютанта, а после заявил во всеулышание:

– Мы попробуем инициировать переговоры. Нашу сторону будет представлять очень надежный и проверенный человек. Макаров, черт возьми, где ты шляешься?!

Адъютант вынырнул из толпы. Казалось, только что его там не было, но вот он появился. Ушлый для этой команды, даже слишком.

– Эй-эй-эй! – запротестовал Феликс Джемисон. – Мы не знаем, справится ли он с заданием. Мы не можем ему доверять свои жизни!

– Мы даже не знаем его по имени. Макаров и Макаров, а как его звать? – слышалось в толпе.

– Да. Ходит как тень, вынюхивает что-то, шпионит за всеми...

– Вот кто он такой, какая у него компетенция?

– Отставить демократию! – прикрикнул капитан.

Все стихли, гвалт прекратился.

– Вы слушаете меня, а я прислушиваюсь к нему. Так что назначаю переговорщиком Макарова. Точка. Остальные детали буду согласовывать только с ним и с представителями технических служб корабля.

Вновь оживленно забурили голоса, не выходя, впрочем, за рамки субординации. Ибрагимов вытащил бутылку и допил остатки, а после встал и направился к себе в каюту за следующей. Не доходя до двери, он упал, поднялся, матерясь последними словами, и вышел в коридор.

Эти переговоры были не самым популярным его решением.

Вскоре Михаэль, связист, послал на дредноут сигнал, сообщавший, что «Мираж» готов к переговорам. Противник не заставил себя долго ждать: десять минут спустя пришел ответный сигнал о готовности встретиться на нейтральной территории между кораблями, примерно там, где плавал в космосе бесхозный двигатель. В качестве переговорной площадки каракарцы

выбрали свой исследовательский корабль, предназначенный для спуска экспедиций на неизученные планеты.

Корабль вылетел в условленное время вместе с двумя «гаргарисками», что формальным кортежем проводили его к той условной линии, куда долетал первый истребитель, прощупывая своего противника. Добравшись до этой умозрительной отметки, истребители остановились и, дождавшись, когда переговорное судно прибудет к точке встречи, развернулись, чтобы вскоре скрыться в шлюзах «Дриады».

На «Мираже» не оказалось ничего подходящего, чтобы представительно ответить каракарцам, поэтому пришлось ограничиться небольшим двухместным ялом, что готовили в доках, наспех проверяя системы навигации и приемники телеметрии на случай, если что-то пойдет не так. Насчет шлюзов стыковки волноваться не приходилось: и земляне, и каракарцы использовали стандартизированные универсальные шлюзы для стыковок малых кораблей.

Ибрагимов, появившийся у шлюзовых узлов перед отправлением переговорщика, уже прилагал значительные усилия, чтобы держаться на ногах, как подобает капитану. Пока рядовые работники проверяли системы космической лодки, он отвел в сторону Макарова, чтобы дать ему последние инструкции.

– Слушай, дружище, враг хитер и... просто глыба, – зашел издали капитан, – но ты сам все видел: мы их обманули... Ик... Враг знал, что мы не сможем, что мы не готовы уничтожить двигатель, но все равно был удивлен, когда мы начали стрелять, а потом был удивлен еще больше, когда мы его не взорвали... Ик... Бороться можно, и у нас есть план. Что бы ни говорил их переговорщик, ты должен всегда держать в уме только одно – мы не сбросим наши ракеты «Заря»... Ик... А если сбросим, то это должны быть уступки, на которые они никогда не пойдут. Мы должны максимально их разоружить, прежде чем скроемся, иначе у них остается возможность стрелять. Только когда получим гарантии, только тогда пойдём на уступки.

– У нас слабые переговорные позиции, Тимур Магометович.

– Это сути дела не меняет... Ик... Они будут требовать сброса ракет, так как сами их боятся. Наша задача – навязать равноценный обмен.

Переговоры в такой ситуации – сложное предприятие. Тяжело вести переговоры с людьми, которые читают твои мысли. К счастью, Макаров достаточно умен, чтобы не размышлять об этом слишком долго. Он повернулся к своему ялу и еще раз задумался о переговорной стратегии. Конечная цель у обеих сторон одинакова – разбежаться подобру-поздорову.

– А где техник? – неожиданно обронил Макаров.

Они должны были лететь вдвоем. Второй – специалист по вооружениям, чья задача – оценить возможности «Дриады», чтобы составить список требований. Сейчас его в отсеке для челночных кораблей видно не было.

– А кто должен лететь?

– Шпилин...

Ибрагимов достал из кармана терминал связи с бортовым компьютером. Лицо Карины появилось на экране.

– Найди мне, пожалуйста, техника Олега Шпилина... Ик... Он нам срочно нужен.

– Средняя палуба, каюта 13-А.

Через несколько минут Макаров, еще несколько солдат и специально вызванный непосредственный начальник Шпилина Зигфрид Кеплер уже находились у обозначенной каюты. Дверь полуоткрыта. Должно быть, в сервомеханизм что-то попало. Внутри – чудовищный бардак, как после ребулийских погромов. Вскоре нашелся и сам Шпилин. Он лежал в неестественной позе на полу под завалом вещей, распространяя сильный запах мяты.

– Черт, наакался марры... – констатировал один из солдат, переворачивая техника на спину.

– Жив, но в глубоком беспамятстве, – сообщил другой.

Среди личного состава небольших кораблей было распространено изготовление марры – синтетической настойки трав на отваре кожи судовой мебели и топлива. Крепкое пойло, не всякий осилит. Учитывая, что весь алкоголь на корабле контролировал лично капитан или, на худой конец, на пару с помощником, а стрессовые ситуации в рейдах только учащались, членам экипажа приходилось расслабляться подобным образом.

Шпилин явно не выдержал давления обстоятельств. От напряжения не убежишь.

– Вызовите врача, пусть забирает, – распорядился Кеплер. – И найдите другого техника!

– Команда не справляется с нагрузками, – промычал еле слышно Ибрагимов.

– Ваш пример тоже кое-чего стоит, при всем уважении.

– Ага, только мой пример не мешает работе корабля. Ик...

– Да хватит уже икать, товарищ капитан, задержите дыхание или выпейте воды!

Ибрагимов кивнул Кеплеру в знак признательности, а потом икнул еще пару раз.

Вскоре нашелся второй техник. Тот был довольно юн. Впрочем, Ибрагимов с самого начала знал, кем ему придется руководить: тут практически все были неопытными выпускниками академии на Марсе, в боях не участвовали и, как говорится, пороха не нюхали. Капитан искренне радовался, что их первой операцией стало уничтожение контрабандистов – прежде, чем «Мираж» столкнулся с залетевшими в границы Содружества прожженными каракарскими асами.

Уже вчетвером – Ибрагимов, Макаров, Кеплер и юный техник Лешин – прошли назад на верхнюю палубу к ялу и еще раз обсудили детали переговоров. На сей раз Макаров попросил Ибрагимова уделить ему приватные десять минут. Отошли в сторону.

– Я сомневаюсь, – признался адъютант.

– Чего?

– Телепат...

Ибрагимов ухмыльнулся. Вражеский чтец мыслей беспокоил всех, но все молчали. Каждый пытался контролировать свои мысли.

– Не думай об этом, – отвечал Ибрагимов. – Про телепата ведь все знают только из учебников и с моих слов. Может, там его и нет? Может, он погиб в бою с нашим линкором? А может быть, его съели? Знаешь, сколько тут торчит этот дредноут? Уверяю, там должна быть уже шибко нездоровая обстановочка: всем все надоело пуще нашего. Делай только одно: не выдавай нашу истинную цель – максимально их разоружить. Только тогда мы сможем отступить безопасно. Торгуйся по любой мелочи! Удачи.

Капитан хлопнул адъютанта по плечу, и тот направился к ялу. По дороге к Макарову присоединился техник. Ибрагимов проводил их взглядом и лишь тогда осознал, насколько хочет спать.

●○○○○

Яркие огни сопел закоптили шлюзовые ворота.

Маленькая яркая точка яла уплывала вдаль, в центр военного напряжения. Отсюда, с «Миража», могло показаться, что все бессмысленно, настолько силы были неравны. Даже шаровидный корабль «Жук», предназначенный для исследований, но переоборудованный под переговорную, видом своим уничтожил надежду.

Джемисон стоял у командного пульта, склонившись над сенсорными панелями. «Доверили крейсер черт знает кому, Ибрагимов всех погубит!» На душе было гадко. В нарушение устава старпом вытащил из кармана сигарету. Щелкнул по ней пальцем, и сигарета сама вспыхнула и раскурилась.

– Немов! – крикнул он. – Что там со связью? Ты как неживой! Где связь?

– Связи нет, товарищ старпом...

Связь установить не удавалось уже давно: и в связи с проблемами техническими, из-за наличия в туманности ниобия, азота и других примесей, и по причине вражеских помех. С другой стороны, дредноут передавал некие сигналы на исследовательский корабль: его антенны минус-связи оказались гораздо мощнее. На двух членов переговорного процесса с «Миража» проще воздействовать, если те в изоляции. Ибрагимов даже это не смог предусмотреть!

– Все старшие офицеры пусть проследуют в кают-компанию, – распорядился Джемисон. – Немов, очнись! Передай команду по внутренней связи. Остальным оставаться на боевом дежурстве.

Затянувшись несколько раз, он затушил сигарету, стиснув ее в кулаке, а затем вышел из помещения рубки.

В боевых условиях Джемисон с телепатами никогда не сталкивался, поэтому, пока шел в кают-компанию, решил для себя разложить по полочкам суть проблемы. Во-первых, он знал, что телепаты не умеют передавать сигналы внушения. Вернее могут, но такие сигналы не настолько сильны, чтобы склонить человека к действиям, особенно на большом расстоянии. И уж точно телепаты не способны побороть инстинкты выживания у объекта манипуляций. Во-вторых, телепаты не могут читать мысли многих людей сразу. Или могут? Откуда он это знает? Из старых книг, что прочел в школе. Научная фантастика.

Как это случилось? Что именно сделал Ибрагимов, раз противник не смог правильно прочесть намерения стрелков «Миража»? Если Джемисон правильно поймет, как действовать, у него будет собственный план, который позволит усугубить давно зреющие в офицерской среде мятежные настроения и разрешить ситуацию.

Занятый этими мыслями, старпом прошел мимо поворота на кают-компанию и приблизился к каюте Ибрагимова. Несколько неуверенных стуков в дверь и ноль реакции от капитана. Лишь когда старпом стал изо всех сил молотить кулаком в дверь, начальство пробудилось от алкогольного забытья.

– Идите в жопу, мартышки...

– Капитан Ибрагимов, нам надо поговорить! – требовательно произнес Джемисон.

– Говори так, я сплю...

– Хорошо! Я хочу спросить, что вы сделали, чтобы обмануть каракарцев? Не пытайтесь отшучиваться и язвить, я видел, что вам удалось и выстрелить, и, одновременно, промазать. Что это было, черт возьми?

Минуту Ибрагимов молчал, Джемисону показалось даже, что тот вновь уснул. Однако через некоторое время из-за двери донеслись звуки ерзания и зевков. Затем Ибрагимов ответил:

– Он не умеет читать мои мысли. А мысли остальных – умеет. Поэтому требовалось убедить всех наших в том, что мы стреляем прицельно. Я же сбил настройки нейтронной пушки.

– Он не может читать ваши мысли, потому что вы по-свински наакались?! Вы хотите, чтобы я в это поверил?

– Он не умеет читать мои мысли, потому что я киборг. А ты дурак. Иди на свое место и следи, чтобы экипаж выполнял свои обязанности. Мне надо поспать.

Джемисон попытался возразить в своей манере – жестко и язвительно, но реплики его остались без ответа, а через несколько секунд из каюты капитана донесся громкий храп.

Старшему помощнику ничего не оставалось, как вернуться к ранее разработанному плану по смене командования на крейсере «Мираж». Тем не менее, пока он шел в кают-компанию, где уже собрались его друзья по заговору, он сделал важный для себя вывод: Ибрагимов опаснее, чем кажется, даже несмотря на пьяный угар.

III

Корабль «Жук» походил на неровную сферу, из которой в разные стороны торчали антенны минус-связи и сенсоры. С точки зрения эргономики землян, он выглядел несуразно, но как абстрактное геометрическое тело был весьма симпатичен на вид. Однако то была привлекательность скульптурной композиции, а не серьезного космического корабля для исследования пограничных миров. Во всяком случае, на памятные календари фотографии таких кругляшей не наносят.

Ял сделал почетный круг, огибая «Жука» и дрейфующий двигатель. Очевидно, мимо пролетал осколок поглощенных туманностью миров и стукнулся о край двигателя, заставляя протонный расщепитель беспорядочно вращаться. Выглядело это живо, но и вселяло мысль о том, что – будь в следующий раз осколок больше, а его скорость выше, – игра вмиг закончится.

Ял пристыковался к кораблю без особых проблем.

Сделав глубокий вдох, собравшись с мыслями, Макаров ступил на борт корабля каракарцев. Вот и все – с точки зрения политико-юридических норм, он находился уже в другом государстве.

– Никогда не был за рубежом... – вырвалось у него.

– Это не считается, – понял его техник. – Это вроде как нейтральная территория, предоставленная для переговоров.

Они оказались в небольшом помещении со скафандрами, хозяйственным инвентарем, ящиками и шкафчиками. Шкафчики стояли открытыми, исчезло все, что могло быть использовано как оружие – лопаты, ломы, строительные пистолеты и прочий представляющий опасность скраб.

Первое, что дало о себе знать – повышенная гравитация и острый запах в воздухе. Каракарцы жили в мирах с высокой гравитацией, такую и настраивали в кораблях. Не то чтобы эта гравитация была для истиннолюдей невыносимой, но действовала гнетуще. Как только адъютант и техник перешагнули порог корабля, каждый почувствовали, как его тело и одежда обрели совсем иной вес. Странный запах в воздухе воссоздавали какие-то газы, присущие родной для каракарцев атмосфере. Те не были опасны для землянина, но чувство создавалось, будто оказался в лавке, где собраны все пряности мира, взвесь которых годами пропитывала воздух.

Шлюз, к которому пристыковался ял, вел в пустое помещение, залитое красным светом и казавшееся оттого живым и пульсирующим. Но такую шутку могло сыграть с наблюдателем и подскочившее от измененной гравитации кровяное давление. В помещении стояли две длинные скамьи и располагались отсеки для скафандров, скафандры, однако же, больше валялись на полу и на скамьях. Источник света определить трудно, скорее всего, свет шел снизу. Из помещения имелся только один выход – в коридор, наполненный таким же красным маревом. Как если бы туманность проникала и сюда.

Макаров и Лешин выгрузили из яла несколько кейсов с документацией и прошли в коридор. Там обстановка еще меньше походила на земную: замысловатые узоры на стенах, плавно перетекающие в утилитарные элементы корпуса. Казалось, каракарцы стерли грань между декоративным и функциональным, растворив свою цивилизацию в двух этих средах. Война для них так же являлась и искусством, и средством, причем в их понимании два эти смысла были неразрывны. В то время как истиннолюди, земляне, постоянно колебались, выбирая между искусством и функцией, разделяя эти понятия, используя утилитарное в быту, а после убеждая себя, будто это и есть красота, каракарцы, казалось, поднялись на совершенно новый уровень, чуждый и удивительный.

– У них нет музеев, – тихо произнес Макаров.

– Что, простите?

– Когда имеешь дело с каракарцами, надо понять их логику. Для каракарца нет абсолютного понятия пользы или вреда, бесполезно взывать к их рациональности, проводить взаимовыгодные сделки, основанные на принятых у нас показателях эффективности. Я сталкивался с каракарскими торговыми агентами на Процеоне-II, когда с ними торговал мой отец. Несмотря на то, что они тоже когда-то были землянами, их внутренняя организация и образ мысли претерпел значительные изменения. Они могли уступить, провести сделку умышленно в ущерб себе, если видели, что она совершается красиво. Иногда же, наоборот, выставляли совершенно неприемлемые условия, грозящие лишними ограничениями и обременениями, не имеющими к сути сделки никакого отношения. Каракарцы не отягощены нашей моралью, у них она другая. Они верят, что отвечать добром на зло плохо, так как это порождает зло, а отвечать злом на добро – хорошо. Для них вещи практичные, но некрасивые нефункциональны. Каракарцы – это эстетствующие философы-воины, доказавшие превосходство своей цивилизации. Не пытайся понять...

– ... народ, у которого нет музеев? – усмехнулся техник.

– Нельзя сказать, что они совершенно отличны от нас. Конечно, их манера говорить от третьего лица с непривычки обескураживает. Так каракарцы различают собственное мнение и мнение, что продиктовано их должностью. Они считают, будто так честнее. Мы называем это «официальной позицией». Они же дистанцируются по-своему.

– Звучит забавно.

– Соберись, – велел Макаров, когда они достигли конца коридора, и адъютант взялся за пневморучку высокой красной двери, ведущей в переговорный зал. – У человека в голове каждую секунду происходит несколько тысяч операций. Некоторые являются мыслеформами, некоторые проходят в подсознании. Но для суггестов и телепатов все наши мысли – явь. Возможно, мы уже проиграли переговоры. Входим без надежды и сожаления...

Техник глубоко вдохнул и выдохнул. Это его внутренне дисциплинировало. На несколько секунд закрыл глаза, когда же открыл их, был готов свершить свой подвиг и еле заметно кивнул.

– Отлично.

Пневморучка со свистом повернулась, дверь медленно отворилась. В зале никого не было. Тусклый красный свет падал на большой переговорный стол, а на стенах помещения темнели причудливые узоры-картины, повествующие о покорении предками каракарцев их Новой родины, планеты-столицы всего Каракар-Кар'деша.

Новая родина, планета под названием Фуратар в системе С-06, была заселена более двухсот лет назад беженцами после эпидемии, охватившей три населенные планеты Караша. Связь с ними вскоре утратилась. Прошло полтора века, и первые корабли новой цивилизации прибыли со стороны Фуратара с исследовательской миссией в систему Караш. Появившаяся вскоре военно-дипломатическая миссия предъявила местной администрации требования вернуть планеты Караша под юрисдикцию Фуратара по праву первоначального владения.

Населенные миры Караша пережили эпидемию и при поддержке правительства Ребулы не более чем за сто лет восстановили экономику и производство. В их планы не входило отказываться от юрисдикции землян в пользу каких-либо прав потомков беженцев, улетевших в неизвестном направлении в самые тяжелые годы истории миров Караша. Губернатор столицы системы Караш – планеты Нолгар-III – прямо заявил, чтобы каракарцы убирались туда, откуда пришли. Каракарцы ответили орбитальными бомбардировками. Так началась оккупация миров Караша и первая война истиннолюдей и каракарцев, длившаяся пять лет. В ходе войны каракарцы оккупировали миры Караша и практически полностью уничтожили систему Вазгур, стратегически важный удаленный мир под протекторатом Тилуриги, богатый полезными ископаемыми.

Война закончилась установлением зоны карантина, и мир продлился сорок лет, пока каракарская эскадра не напала на Ребулу, Альфу и Талуриги. Геноцид Ребулы – стратегического коммуникационного и политического узла всего Центаврийского сектора и четырех ее миров – Арата, Кронкса, Берекадара и Процеона-IX – был отображен в гравюрах на стене напротив двери, через которую вошли Макаров и Лешин. От одного вида этих картин и ужаса, запечатленного на лицах жителей Арата, гибнущих в пламени орбитальных ракет, делалось тошно. Малой части воображения хватало, чтобы окончательно утратить веру.

Макаров взял себя в руки и прошел к столу, поставил на столешницу кейсы с технической документацией и сел. Вдохновляясь самообладанием адъютанта, последовал его примеру и техник.

Несколько минут молча сидели за столом, уставившись в мрачные сцены на стенах, затем пневмочулка противоположной двери свистнула, и в помещение вошли три каракарца.

Они оказались загорелыми бойцами высокого роста, практически все чуть выше двух метров. Одеты были в плотные, но легкие офицерские костюмы. Все трое скрывали лица под масками – старая каракарская ритуальная традиция, связанная с правами разумных существ. На Земле и в освоенных мирах не придавали значения этому пережитку международного права, но для каракарцев оно осталось святым и тщательно охранялось со времен исхода беженцев из Старой родины. Возможно, в далеких мирах Фуратара так они острее чувствовали свою родину, свою историю. Теперь же повышали таким образом свою переговорную позицию, напоминая истиннолюдям об их коллективной вине и несправедливостях прошлого.

Каракарцы прошли к столу, не выдавая своего настроения, расположились напротив посланников «Миража» и разложили по столешнице бумаги из своих – узорчатых и золотистых – кейсов.

Голос растекся по залу, как и стоявшая здесь красная пелена – голос бортового компьютера «Жука». Его успели обучить протоколу и теории переговоров, что было и странно, и приятно.

– Бортовой интеллект Лоц приветствует делегацию Каракар-Кар’деш, приветствует делегацию Содружества. Рассчитывая, что обе стороны сошлись с взаимным доверием и с желанием разрешить вопрос путем мира и переговоров, исходя из признания суверенных прав друг друга, высших гуманитарных ценностей и необходимости уважения, территория военного-исследовательского корабля предоставляется для переговоров как нейтральная, согласно галактическим законам.

Каракарец, сидевший в центре, поднялся и, спустя минуту, снял маску, обнажая человеческое и вполне приветливое лицо. В мемофильмах, что в свободное от службы время просматривал Лешин, каракарцев изображали уродами или чудовищами с грубыми обезьяньими гримасами. Хотя известно, что агитпроп всегда приписывает врагу те недостатки, от которых страдает и с которыми борется его собственное государство.

– Я, Калиад Манухтар, вице-прециат звездного линкора «Семерафон Милосердный», представляющий интересы объединенных свободных систем Каракар-Кар’деш, подтверждаю свои полномочия и приветствую противную сторону.

Садясь, Калиад вновь надел маску. Протокол требовал от Макарова повторить его приветственную реплику, и адъютант постарался ничего не пропустить, так как каракарцы в процессуальном плане были очень щепетильны и злопамятны.

– Я, Макаров, адъютант капитана звездного крейсера «Мираж», представляющий интересы Содружества планет... подтверждаю свои полномочия и приветствую противную сторону.

Когда он сел, снова поднялся Калиад.

– Мои помощники – казуал звездного линкора «Семерафон Милосердный» Гайрандель Литери и старший нотар вооружений Литицер Фейразар.

Макаров назвал и своего коллегу:

– Мой помощник – техник по вооружениям звездного крейсера «Мираж» Денис Лешин. После того как традиционные преамбулы прозвучали, виртуальный интеллект Лоц огласил, что каждая сторона имеет право удалиться в любой момент на совещание, что предметом обсуждения будет сценарий безопасного расхождения кораблей в космосе, и озвучил прочие условия и формат переговоров. Только сейчас Макаров понял, во что его втянул Ибрагимов. И еще он понял, что очень боится.

Когда в дверь постучали, Зигфрид открыл не сразу. Сперва он застегнул пуговицы на манжетах и вороте кителя, потом поправил прическу и лишь затем отворил дверь ровно настолько, чтобы выйти из каюты, тотчас прикрывая ее за собой. В коридоре стоял Джемисон и нервно курил.

Сразу стало понятно, что разговор пойдет об Ибрагимове, иначе бы старпом не вызвал бы Кеплера к себе, а не явился бы собственноручно и в одиночку. Впрочем, в офицерской среде корабля другие разговоры в последнее время и не велись.

– Скажите, что вы прячете у себя в каюте, капитан третьего ранга Кеплер, – начал с излишним официозом старпом. – Неужели у вас там разлегся этот алкаш и неудачник Ибрагимов?

– Вы забываетесь, офицер, – оборвал его Кеплер. – Личное имущество и личное пространство на корабле, согласно параграфу восемьдесят четыре Экспедиционного устава, не подлежит досмотру. К тому же я никому не позволю в моем присутствии так говорить о капитане.

– Зиг, дружище...

– Прекратите фамильярничать!

Некоторое время старпом собирался с мыслями, медленно затушив о рукавную пуговицу кителя очередную сигарету. Начал вновь формально:

– Капитан третьего ранга Зигфрид Кеплер, учитывая ситуацию на корабле, сложившуюся в последние дни, явную неспособность капитана крейсера дать вразумительный отчет в своих действиях, а также – сложность его физиологического состояния, и принимая во внимание весь тот потенциальный риск, с которым мы имеем дело после столкновения с противником, явно превосходящим нас по вооружениям и огневой мощи, я учредил офицерский Совет, который определит нашу дальнейшую стратегию. Я хотел бы обсудить с вами вашу позицию и понять, готовы ли вы поддержать неуставные решения, на которые пойдет Совет в случае крайней необходимости?

Под неуставными решениями он, конечно же, понимал мятеж, отстранение капитана и сговор с противником. Иначе уцелеть казалось невозможным. Крайняя мера – капитулировать и сдать корабль. Что могло произойти только в том случае, если переговоры будут сорваны. Ответственность, возложенная на Макарова, стала куда как тяжелей. Но почему тогда просьба капитана к Кеплеру состояла в том, чтобы держать наготове батареи огня, если первоочередной задачей в случае срыва переговоров – Ибрагимов не мог не понимать этого – окажется подавление мятежа?

– Я должен заметить, – после некоторой паузы произнес Кеплер столь же официально, – что для нас сейчас первоочередной задачей является поиск компромисса. Кризис, в котором мы оказались, угрожает не только нам, но и нашим противникам. Поэтому, если мы найдем взаимовыгодную формулу сотрудничества, мы сможем покинуть конфликтную зону без ущерба для себя.

– А если Макаров не сможет договориться? Что, если он там уже провалился? Надо будет действовать незамедлительно. Капитан недостаточно гибок для решений, обеспечивающих гарантированное выживание экипажа.

– Капитан в сложном положении. – Кеплер отер лоб платком.

Похоже, мятеж неизбежен. Если Джемисон завел с ним этот разговор, значит, решающее большинство команды уже на стороне старпома.

– Сложным положением сложно оправдать резкое падение наших шансов на выживание. Да и сам факт того, что это именно Ибрагимов завел нас сюда, в ловушку...

– Я бы на вашем месте, старший помощник Феликс Джемисон, вместо того чтобы рассматривать неуставные варианты, сконцентрировался бы на укреплении палуб и внутреннего корпуса, чтобы приготовить крейсер к борьбе за живучесть. Что будет крайне важно, если последуют события, о которых мы оба сейчас думаем. Каким бы ни оказалось решение вашего совета, оно вряд ли приведет к бескровному урегулированию кризиса. И стоит готовиться к худшему.

– Я так понимаю, вы безоговорочно верите капитану? И, в случае чего, пойдете против команды? – Джемисон вопросительно прищурился.

– Как боевой офицер я давал присягу, поэтому ваши неуставные решения, пожалуйста, принимайте без меня. Я не войду в ваш так называемый совет, ибо заниматься общественными делами не входит в мои обязанности. Но, согласно Экспедиционному уставу, буду отвечать за вверенную мне сферу ответственности – сохранение боеспособности крейсера. Вы поймете, насколько это важно, в том случае, если и противник станет принимать решения вопреки уставу.

Джемисону стало ясно, что Кеплер самоустраняется от участия в мятеже. Слишком щепетильный офицер мешает при принятии непопулярных или морально двусмысленных решений, сам же выиграет при любом исходе, в то время как заговорщики ставят на карту все. Важнее, однако, было то, что батареи должны находиться в боевой готовности, а ракеты – поставлены на боевое дежурство. И кто-то должен это делать, пока совет занят отстранением Ибрагимова. Тут командир батареи был прав.

– Я хорошо понимаю вашу позицию, Кеплер. Мне нравится то, что вы трезво оцениваете наши перспективы и тот факт, что наши возможности для ответа противнику не настолько ограничены, как считает капитан Ибрагимов.

– Да, я полагаю, что доступно объяснил мое видение проблемы, – язвительно подчеркнул Зигфрид. – И раз вы идете в кают-компанию на встречу с «советом», обдумайте мое предложение о подготовке корабля к борьбе за живучесть. Потому что, если ответственный за данный фронт работ капитан второго ранга Брусьев станет митинговать в «советах», члены его службы могут окончательно спиться маррой, чего капитан Ибрагимов никогда бы не допустил.

– Спиться так же, как ваш техник?

Кеплер промолчал, но его недовольство достаточно красноречиво проступило на лице. В ответ он вернулся в каюту и хлопнул дверью.

– ...я полагаю, вы неправильно поняли предложение вице-прециата, – заметил сам вице-прециат Калиад Манухтар. – Ему достоверно известно, что на борту крейсера «Мираж» находятся пять единиц ракет класса «Заря». Вице-прециата не интересуют конвенциональные ограничения на эти боеголовки. Его позиция заключается в том, что вы должны обезопасить отход линкора, когда линкор обезопасит ваш.

Каракарец слева, казуал Литери остановил переговорщика жестом. Добавил:

– Поймите их правильно, адъютант Макаров. Они сидят за этим столом, потому что они не считают их отход абсолютно безопасным. Несмотря на то, что ракеты «Заря» запрещены Талуригейским договором, это оружие все равно находится у вас на борту. Более того, даже если их сторона даст гарантии ненападения и подтвердит это конкретными актами доброй воли, на которых вы настаиваете, нет никакой уверенности в том, что ваш корабль не исполь-

зует ракеты «Заря», покинув радиус поражения. И хотя такое развитие событий они считают маловероятным... хотя бы потому, что, скорее всего, они успеют подключить двигатель и так же покинуть зону поражения... эта малая вероятность все равно существует. И прежде, чем они предпримут какие-то дружественные шаги, они настойчиво предлагают вам продемонстрировать приверженность мирному разрешению конфликта сбросом в космос всех пяти боеголовок.

– Я хочу подчеркнуть, что сброс ракет в одностороннем порядке мы считаем неприемлемым, – хладнокровно возразил Макаров. – Это мероприятие без каких-либо встречных гарантий ослабляет наши позиции. И я хотел бы узнать, какими именно ответными действиями вы будете гарантировать ненападение.

Руки Лешина тряслись, и техник не мог ничего с этим поделать. Наблюдая за действиями Макарова, нельзя было не проникнуться глубоким уважением к этому человеку. За столом переговоров сам Макаров был как каракарец, он презирал все, что оказывало на него давление. А давило на него все: от высокой гравитации и красной мрачной цветовой гаммы до численного и физического превосходства контрагентов. Сам их вид, существ, облаченных в маски и ярких раскрасок доспехи, обладателей огромных ручищ, способных оторвать голову простому истинночеловеку, уже вызывал ужас.

Но Макаров не боялся. А может просто не показывал этого. Он так изящно обращался с дипломатическим волапюком, словно бойцы из орбитального спецназа с кинетическим бластером, что ловко отбивал атаки в этой затяжной словесной дуэли. Становилось совершенно очевидно, что контакты его семьи с торговыми агентами многому его научили, включая глубокое знание дипломатической казуистики.

Сам Лешин перекладывал из кучи в кучу технические спецификации вооружений, которые ему дали каракарцы. Голографические лоттеры содержали практически полную информацию относительно имеющихся вооружений «Дриады». Эта не секретная информация, просто не каждый техник должен досконально знать, чем вооружен каждый корабль противника. Эта информация делала переговоры более интенсивными и предметными.

– Да, я ценю то, что вы предоставили чертежи и описание вооружений дредноута «Семерафон Милосердный». Однако я призываю понять и мою позицию тоже. Прежде всего, я не уверен, что это полный список вооружений. И для этих сомнений есть все основания! Я говорю о последней трети второй палубы, если вы понимаете. В этом месте у кораблей подобного типа находится склад ракет высокой точности серии МХ. И подозрительно то, что в предоставленных спецификациях нет упоминания этих помещений. Во-вторых, поймите меня правильно, но для сброса боеголовок предоставленных вами чертежей мало. Нас интересует разоружение корабля «Семерафон Милосердный». Причем это должно быть такое разоружение, которое гарантировало бы невозможность разрушения внешнего корпуса «Миража». Я говорю о полном сбросе обычных вооружений...

– Это неприемлемо! – Нотар вооружений Литицер Фейразар ударил кулаком по столу и встал со стула.

– Я хотел бы, чтобы вы держали себя в руках! И более того, правильно понимали нашу озабоченность! Совокупного вооружения «Миража» не хватит, чтобы нанести существенный вред кораблю класса «Дриада» в то время как несколько противокорабельных ракет «Триакра» хватит для поражения успешно маневрировавшего крейсера. А у «Миража», напомню, нет основного двигателя, а переконфигурация маневровых двигателей займет время, которого у нас нет...

Каракарцы быстро переглянулись, Литери еле заметно покачал головой.

Казалось, нотар вооружений успокоился. Он сел на свой треугольный стул. Вместо него вступился Калиад, который выглядел значительно более уверенно, чем еще пять минут назад.

Чувствовалось, как он улыбается под маской, но это была лживая улыбка, которую нельзя разглядеть, ее можно только почувствовать по голосу.

– Вице-прециат полагает, что полный сброс ракет «Триафра» достаточно показательный жест. В их распоряжении находится 14 таких ракет. Если они избавят от них пусковые установки, это будет исчерпывающим и справедливым доказательством их дружелюбности. В ответ они рассчитывают, что на каждые четыре сброшенные ими ракеты вы ответите сбросом одной боеголовки «Заря». Таким образом, они надеются увидеть три сброшенные ракеты «Заря» в ответ на полное избавление их корабля от ракет «Триафра».

– На этот счет у меня возражение, – не растерявшись, включился Макаров. – Как мы видим из спецификаций, корабли класса «Дриада» штатно комплектуются 20-ю ракетами «Триафра». Почему в данном случае речь идет только о двенадцати?

– Шесть ракет были использованы по назначению во время столкновения в зоне карантина с линкором Содружества, – вставил нотар Фейразар. – Они не могут ни подтвердить, ни опровергнуть отсутствие остального боекомплекта, также как и вы не можете гарантировать то, что сбросите все три ракеты. Поэтому они могут предложить вам верить на слово при условии, что сброс будет происходить по шахматной схеме, и сбрасывать первую партию будут они.

– Это приемлемо. А как насчет тяжелой нейтронной турели? Это оружие способно повредить внешний корпус «Миража» не хуже ракет.

– Они обменяют деактивацию турели в обмен на две оставшиеся ракеты, – продолжил Калиад. – Но вице-прециат отдельно хочет уточнить характер сброса ракет «Заря». Они хотят, чтобы сброс осуществлялся в направлении «Семерафона Милосердного», точкой сброса они хотели бы считать не момент, когда боеголовка покинет шахту, а момент, когда боеголовка попадет в поле действия их гравитационного аркана. Это позволит им не допустить возвращения боеголовок с помощью средств гравитационного или электромагнитного возврата в ситуации, когда их корабль будет фактически обезоружен. Кроме того, он хотел бы отдельно обсудить способ нейтрализации вашего нейтронного орудия. Он думает, вполне достаточно сбросить блок калибровки. Его установка и сама калибровка орудия занимают значительное время, достаточное для того, чтобы они закончили монтажные процедуры с двигателем и покинули это место.

Макаров, не отрываясь взглядом от каракацев, сделал несколько пометок в своем блокноте. Он постоянно так делал пока шли переговоры. Видимо, опыт.

– Я это согласую. Думаю, это оптимально.

– А что касается ракет СР-12 «Закат»?

Макаров только хотел открыть рот, как из-за стола вскочил Денис.

– Да сколько можно?! Мы и так уступили уже второе больше, чем вы! Это оскорбительно!!

Макаров пытался ухватить его за рукав и усадить за стол, но тот увернулся и отошел на некоторое расстояние, так что Макарову не удалось до него дотянуться. Пришлось встать из-за стола.

– «Семерафон Милосердный»?! Это после устроенной им бойни в Караше?? После нападения на дальние миры Вазгура? «Милосердный» потому что убил десятки миллионов колонистов Арата и Кронкса?? За орбитальные бомбардировки кластерными зажигательными бомбами его так прозвали??

Макаров схватил его за руку и пытался вытолкнуть из помещения, но дверь оказалась закрыта, заблокирована по протоколу искусственным интеллектом корабля. Макаров ловко ткнул его в печень, Денис осунулся и стих.

– Они не намерены обсуждать с вами исторические вопросы! – закричал Литицер Фейразар. Из всей тройцы он вообще казался самым нервным. – Семерафон был великим каракацем, Семерафон Освободитель миров, Семерафон Спаситель. Он доказал право владения

мирами, которые Содружество отняло у нас. Он освободил Старую Родину от колониальной администрации, которая не брезговала пытками и физическими расправами. И вы попираете здесь имя это честного лидера...

Казуал жестом осадил его, и тот послушался.

Макаров оттолкнул в дальний угол техника, а сам вернулся к столу, но только склонился перед ним, а не сел на табурет.

– От имени капитана корабля Тимура Ибрагимова я приношу извинения за выходку нашего представителя... подтверждаю, что целью переговоров был и остается поиск компромисса как средства мирного разрешения кризиса... подтверждаю, что принимаю ранее достигнутые договоренности при условии соблюдения договоренностей противной стороной... заявляю, что намерения наши были чисты, и помыслы дружественны... – на секунду он замялся, вспоминая давно забытые протокольные каракарские фразы – надеюсь, что будучи приверженным... идеалам чести и порядочности... мы будем услышаны друг другом... И нам нужен перерыв...

Капли дождя молотили в стекло, и их звук очень отвлекал от хода мыслей. Ибрагимов еще справлялся с болью в тазобедренном суставе, к этому-то он привык, но постоянные удары крупных капель, сбивающих и так полуживую мысль, вынести оказалось сложно.

На дальних скамьях зала судебных заседаний сидела министр войны Аврора Мурено. Похоже, это единственный человек, который верил в бывшего капитана.

– Мы живем в мире, где идеалы превосходят наши принципы. Потому что люди слабы духом. Назначив себе какого-то кумира, мы пренебрегаем интересами большинства, не соответствующего образу этого кумира. И мы готовы поддерживать репутацию героев даже тогда, когда солнце погаснет, и перед нами обнажится пропасть. Это наш мир, очень мрачное место! Мы отказываемся от всего человеческого, истиннолюдей становится все меньше, а проблем с тем, что делает нас людьми, все больше...

Его голос технически стих. Судья Дмитриев о чем-то перемолвился с судьей Афанасьевой, и та спросила:

– Скажите, это имеет отношение к делу?

– Все, что он скажет, имеет отношение к делу, ваша честь, – ответила вместо Ибрагимова министр.

Ибрагимов продолжил.

– Так вот, во времена этого упадка для нас особенно нужны идеалы. Когда каракарцы напали на систему Ребула и начали орбитальные бомбардировки, нам особенно понадобился лидер, сочетающий в себе все человеческое и все выдающееся, чего только мог достичь человек. Этим героем оказался адмирал Андрэ Магеллан.

Я знаю Магеллана лучше всех в этой комнате, а может даже и на всей этой чертовой Земле. Его можно считать героем, но героем он не являлся. Он не был лучшим в военно-космическом училище, корабли под его командованием не показывали выдающихся результатов, да и на флагманский линкор «Защита Рурина», гордость и шедевр военно-промышленного комплекса Содружества он попал только потому, что его отец служил адмиралом. «Защита Рурина» – первый из сверхлинкоров проекта 53 331 – личное детище адмирала Кристиано Магеллана. Он лоббировал этот проект, он нашел на него финансирование, он и подарил его сыну. Это наследство Магеллана-старшего. И его сын ничем его не заслужил кроме родства.

Андрэ Магеллан взял меня на борт, потому что он не мог доверять никому на корабле. Репутация папенькиного сынка плохо сказывалась на управлении кораблем. Команда его недолюбливала, офицеры саботировали его приказы.

Он очень нуждался в тех, кто мог бы заставить команду слушаться, а линкор действовать. Я, Блейцер, Макаров, Ле Квир, Лон-ки Ду и еще несколько человек, так называемый «ближний круг» Магеллана, учились на одном курсе. Лично я не считал, что делаю что-то постыдное. Быть старшим помощником капитана на таком крупном звездолете, на флагмане Центаврийского флота, я всегда считал такой большой ответственностью, что не задумывался о выгодах и благах. Мои коллеги считали точно так же.

И перед нами стояла великая задача, наладить такое управление флотом, какой соответствовало бы имени «Защиты Рурина». Скажу большие, мы справились. Поэтому, когда первые кластерные бомбы начали падать в системе Ребула, Магеллан больше всех подходил на роль освободителя дальних колоний от агрессии. Герой всегда один. А мы были верными помощниками Магеллана, и делали самую сложную работу – мы делали его героем.

Осознавая, что сам по себе он ценен значительно меньше, чем вся наша команда, Магеллан ударялся то в беспросветную депрессию, то был одержим приступами собственного величия и чувством непобедимости. Иногда его одолевала паранойя, ему казалось, что вокруг него плетутся интриги и заговоры, хотя мы делали все, чтобы не допустить этих интриг. За время войны он ни разу не ступил на землю, потому что им овладела агорафобия и навязчивые идеи того, что над ним все смеются у него за спиной. За полгода до событий в системе Форус Магеллан отстранил от службы Лона-ки Ду, нашего товарища, за то, что тот, как показалось адмиралу, готовил теракт на линкоре. Я знаю Лона много-много лет. Он никогда не мог бы примкнуть ни к радикальным спесицистам, ни к сквигам, ни уж тем более к звездным суннитам. А еще раньше он обвинял Лона чуть ли не в переходе на сторону противника, требовал его публично судить.

Поэтому когда я говорю, что да, я нарушил Экспедиционный устав, сделал инвалидом Магеллана, захватил командование боевым соединением и применил оружие геноцида, учитывайте, пожалуйста, что за человек был Магеллан, что он собой представлял на тот момент и к чему привели его действия в системе Форус, в результате которых мы потеряли два линкора, три крейсера, станцию «Зодиак» и тысячи преданных родине солдат...

Макаров втащил Лешина в шлюзовую, повалил на пол и с размаху дал ногой по ребрам. Техник отлетел к шкафчикам с инструментами. На него сверху посыпались части скафандров, голографические лоттеры и какая-то макулатура. От боли он захрипел и несколько раз кашлянул, но не более того. Это выглядело скорее унижительно, чем больно. И это максимум, что позволил себе Макаров.

– Что же ты творишь, сволочь? – прошипел он на техника.

– Извините...

– Извините?? Чем мы тут, по-твоему, занимаемся? В оскорблялки играем? Ты видел их? Эти существа превосходят нас ростом, превосходят в физической силе, выносливости, ловкости, меткости, интеллекте, в силе воли, в стихосложении, в честности, в этике, в порядочности... они превосходят нас во всем. И перед нами стоит задача победить. Добиться цели, которой невозможно добиться совершив мы хоть одну ошибку...

Денис попробовал встать. Получилось только со второй попытки, держась за дверцу шкафчика. Пока он поднимался, Макаров прошел к скамейке, стоящей посреди шлюзовой, сел на нее и обхватил голову руками. План в целом не менялся, инцидент прошел, казалось, без политических последствий. Можно снова вернуться к обсуждению процедуры разоружения, к проблеме ракет СР-12 «Закат». Но они были на полмиллиметра от провала, на самом краю.

Денис подошел к Макарову и сел рядом. Не близко, а чуть поодаль. И тоже склонил голову.

– Как ты это выдерживаешь все?

- Что выдерживаю?
- Ну, это все... давление... «Семерифон Милосердный». Меня чуть не вырвало...
- Да, это сложно...
- Я на такое не подписывался...

Макаров отнял руки от головы. На его лице нарисовалась печальная улыбка.

– Не подписывался? Да ты, похоже, вообще не понял, что происходит. Как только мы переступили порог яла, как только мы вошли в комнату для переговоров, как только я их увидел, стало понятно, что мы уже мертвы. Нам не справиться с этим. Похоже, мы проиграли. Крысы кидаются на людей, когда они загнаны в угол. Сейчас мы находимся в углу, а вокруг нас враги. Но мы должны идти до конца. Смеяться в лицо смерти...

Денис поднял один из оброненных лоттеров. На нем хранилось описание хвостовой части каракарского корабля. С ней что-то явно не так, что-то не учтено. Но что-то малозначительное.

- Помирать страшно... – пробормотал техник.

И в этот момент откуда-то из пелены мрака, оттуда, где на пределе видимости дрейфовал крейсер «Мираж», пришел сигнал персонального интеркома. Он прозвучал так жалко и необычно, словно у него кончался запас батарей. Марков отстегнул приемник от внутренней стороны кителя, где его носили все офицеры, и приложил к уху.

- Макаров, слушаю...

– Это капитан... Я сейчас проспался и спустился на гауптвахту, где сейчас находится наш главный техник по вооружениям Олег Шпилин. После приема марры он несколько скверно выглядит, но некоторые вещи кажутся мне интересными. Скажу кратко, потому что сигнал глушат, и чтобы пробиться через помехи и связаться с тобой мы создали из корпуса корабля огромную минус-антенну и сжигаем сейчас тонны топлива ради минуты разговора... Если ты уже обменял наши последние сюрпризы на разоружение и у врага все еще остались противоспутниковые ракеты, не торгуйся за сброс ракет, просто предложи им перед нашим отходом повернуться левым боком. Ракетные блоки будут нацелены в сторону от нас и будут для нас не опасны. Корабли такого класса разворачиваются очень долго и сложно, они не успеют повернуться к нам носом, если мы начнем отступление...

Предложение Ибрагимова с виду выглядело абсурдным. Зачем ставить корабль в самое невыгодное положение из всех возможных? Все знают, что по бокам корабля больше вооружения, чем на носу, поэтому корабль, что морской из прошлого, что современный орбитальный, всегда обстреливает цель, повернувшись боком. На «Дриаде» установлены спаренные лучеметы, на хвосте бластеры на разогнанных фотонах, которые тоже смогут вести огонь. Поворачивая корабль боком, каракарцы смогут не только получить преимущество даже со сброшенными ракетами «Триафра», но и фактически нейтрализовать и без того небольшие преимущества «Миража», который продолжит оставаться носом к противнику и не сможет использовать арсеналы боковых орудий.

– Капитан, вы понимаете, о чем просите? Если мы потребуем развернуть корабль, они нас раздавят... почему?

- Потому что *обычно* рыба выныривает из воды мордой вперед...

Связь оборвалась. Но цена вопроса слишком велика, чтобы возразить командиру и другу, и сделать все по-своему.

Видя, что Макаров находится в задумчивости, техник подошел к нему и легонько похлопал по плечу. Это несколько вывело из себя переговорщика, но и вернуло его к исполнению должностной обязанности. Он заткнул персональный интерком обратно за отворот кителя и глубоко вздохнул, настраиваясь на предстоящую словесную дуэль. Ничего страшного. На «Защите Рурина» было не легче, а цена вопроса значительно ниже.

- Все в порядке? – спросил Денис.

– Ты видел, как они переглянулись, когда я упомянул совокупную мощь «Миража» и невозможность уничтожения их посудыны? Да это не просто порядок! Это то, что нам и надо! Пошли, заглянем им в глаза, посмеемся в лицо смерти.

IV

«Чтобы заключать сделки с людьми, надо мыслить как люди. Они по своей природе любят бесчестие и уродство, а благородство и красоту считают обременительными. Все потому, что они боятся смерти. „Смерть“ – слово, заимствованное нами из людского языка самыми слабыми и боязливыми из наших соплеменников»

Семерафон Милосердный,
обращение к союзникам в системе Караш накануне вторжения.

7 августа

Я, приор-прециат линкора «Семерафон Милосердный» Дециар Канандари, начинаю специальный дневник в связи с тем, что вчера из-за разрушения второго заднего блока второй палубы мы утратили почетную комнату. Разгерметизация унесла в космос нашего лощмана, который молился в этом помещении, а также знамя и священный кинетический бластер, врученный нам самим Пятым верховным советом.

Я не помню случая, чтобы экипаж, подвергнувшийся бесчестию в связи с утратой реликвий, не был бы расформирован. Я также не помню, чтобы корабль, имеющий такие страшные повреждения как наш, подлежал восстановлению. Ремонт обойдется дороже строительства нового линкора, поэтому я признаю, что корабль прекращает свое существование в штате Третьего флота в качестве боевой единицы и закрываю корабельный журнал. Данный специальный дневник я начинаю для того, чтобы описать то, что ждет нас в мрачном будущем, в которое мы смотрим с отвагой и несгибаемым мужеством.

Еды, воды и воздуха нам хватит еще на полтора стандартных галактических года, то есть на 25 с половиной месяцев. Я думаю, мы найдем решение нашей проблемы, и вернемся на Старую Родину, где нас ждут сухие доки Нолгара-III и объятия наших родных.

16 августа

Со времени боя в зоне карантина прошло около года. Тогда мы потеряли около 34% всей полезной площади корабля либо от прямого попадания вражеских ракет, либо от последующего разрушения корпуса и разгерметизации.

Разрушения не такие серьезные, как могли бы быть, но мне очень не нравятся трещины на внешней обшивке корабля. Я каждый день посылаю туда техников, чтобы замерить разрушения корпуса. Трещины ползут по внешней обшивке на полмиллиметра в сутки быстрее, чем в дни после боестолкновения. Корабль окончательно развалится тогда, когда целостность внешнего корпуса будет нарушена на 41%, это произойдет через два галактических года. Однако если какой-то случайный метеорит или обломок повредит целые участки обшивки, кто знает, как ускорится процесс распада?

Мой преданный вице-прециат Калиад Манухтар единственный, кто из высших офицеров сохраняет хладнокровие. Он убеждает меня, что все будет хорошо, и я ему верю. До сих пор он не подводил меня, а Судьба не подводила его. Может он знает что-то, о чем не знаем мы?

19 августа

Во время работ по укреплению внутреннего корпуса неожиданно сдетонировала оболочка плазмопривода бокового двигателя РХХ-221. Утрату маневрового двигателя можно компенсировать, а трех погибших членов экипажа – нет. Я пишу эти строки, а они уже наверняка достигли внешних врат Раххала. Каждый месяц мы теряем людей, и для меня эти потери очень тяжелы.

2 сентября

Жизнь берет свое. На корабле родился второй ребенок. В каком-то смысле это надежда, так как рождение потомков всегда позволяет нам задуматься о будущем и превозмочь тяготы настоящего. Я спустился на третью палубу в медотсек, чтобы поддержать родителей. Счастливый патер – главный специалист по маршевому двигателю. В этом есть какая-то ирония. После того как я приказал сбросить наш главный двигатель после поспешного бегства из системы Двойная Арахна, у него появилось достаточно свободного времени завести отношения с нашей комбатанткой из роты орбитального десанта.

Я все еще сомневаюсь, правильно ли я поступил, приказав сбросить двигатель? Поврежденная оболочка создавала вероятность взрыва двигателя в двенадцать процентов. Я думаю, даже если бы эта вероятность была процентов пять, я все равно бы так поступил.

7 сентября

Я смотрю в иллюминатор и вижу газовое скопление Мотра. Сколько мы ни приближаемся к нему, оно все равно так далеко и недоступно. Мы держим курс вдоль карантинной зоны мимо туманности Мотра прямо на Ребулу. Другого пути у нас нет. По прямой до системы Наргаз на четыре месяца короче, но придется пройти прямо через центр туманности, Глаз Тьмы. Никто в здравом уме не поведет корабль прямо через туманность. Она кишит темными звездами, гравитационными вихрями, пространственными аномалиями и звездным мусором. Будь у меня самый лучший лоцман звездной академии Берекадара, я бы трижды подумал, совершать ли такое путешествие. Но мой лоцман, во-первых, не из самых лучших, а во-вторых, он же погиб месяц назад при разгерметизации в почетной комнате.

Если верить старым картам, на пути к Ребуле мы не встретим никаких населенных планет Содружества. Возможны какие-то контакты с контрабандистами или собирателями серой пыли, которые углубляются от Алиакса в сторону Мотры на многие гюли. Но они не представляют для нас ни интереса, ни опасности. Противник все еще знает, что на его территории находится поврежденный линкор врага, но вряд ли он сможет точно рассчитать наш курс и перехватить нас где-нибудь между Процеоном-II и Наргазом. К тому же Мотра прикроет нас от всех систем дальнего обнаружения, если мы пройдем по краю туманности.

Интересно, выбили ли наши имена на Стеле Памяти в Стратополисе на Нолгаре-III? Или все еще верят, что мы живы? Хватит ли мне воли привести корабль домой, чтобы потом почетно стереть свое имя со Стелы Памяти на глазах у миллионов каракацев?

21 сентября

Сегодня мне снился Каванр Давахта, приор-прециат линкора «Тереломат Миротворный», мой друг, хороший игрок в геш-геш и просто святой. Он улыбался все той же трагичной улыбкой, как и всегда. Я понимал, что его уже нет в живых, но почему-то также прекрасно понимал, что все будет хорошо. Иногда мертвые открывают окна Раххала и говорят с нами, пока мы спим.

Я не могу не вспоминать те ужасные минуты уничтожения «Тереломата Миротворного». Линкор людей прижал его к верхним слоям атмосферы одной из планет системы Двойной Арахны. Планета сама вызывала ужас одним только своим видом: на большой высоте в сплошной вате грозовых облаков бушевали бесконечные бури. Говорят, там раньше жили колонисты, требовавшие независимости. Они как-то приручили бури, но после того как в результате мятежа они начали угрожать торговым путям Алиакса, Содружество приняло решение заминировать планету, разместив в грозовых облаках суборбитальные мины. Колонистов давно уже нет. Поставки на планету продуктов и техники прекратились, и Судьба стерла их из настоящего.

Перед моими глазами до сих пор стоит та беззвучная картина, когда мины выныривали из верхних слоев грозовых облаков, прилипали к звездному кораблю и взрывались, а с другой стороны звездолет землян посылал одну за другой ракеты, которые впивались в корпус и разносили его на части. Я убит этим горем, и скорблю по всему экипажу. И снова не могу уснуть...

28 сентября

На борту эпидемия. Корабль не рассчитан на столь длительное пребывание в космосе. Мы уже полгода как должны были вернуться домой. Опасность представляет не исчерпание запасов питания и воды, а то, что одна единственная бактерия, один единственный вирус, принесенный на борт корабля, может расплодиться и стать источником эпидемии. А санитарные условия резко упали с тех пор, как нас повредили в бою.

Я отдал все распоряжения медотсеку, но они пока не могут установить ни тип заболевания, ни методы лечения. Я думаю, они с этим разберутся. Также распорядился изолировать детей и их родителей. Да, у нас на борту родился третий ребенок...

4 октября

Наши сканеры обнаружили на границе туманности ранее неизвестную систему с, как минимум, двумя планетами. Есть предположения, что часть планет находится внутри туманности и в данный момент нам не видна. На одной из тех, что наблюдаем, замечена активность. Я вызвал нашего вице-суггеста, и он сказал, что там есть люди.

По предварительным данным мы можем судить о высокой активности добытчиков топлива на поверхности мирового океана планеты. Топливо как таковое нас мало интересует, а расположенные на низкой орбите сухие доки вряд ли помогут нам в починке корабля. Что могли, мы и так исправили, а для комплексного ремонта дредноута эти сухие доки не подходят. Мы же не баржа и не мелкотоннажный транспорт, для линкора нужны доки втрое больше этих.

Чтобы не выдать нашего присутствия постам Содружества, мы решили войти в туманность на полгюля раньше. Туманность скроет от них наше присутствие, и мы вернемся к прежнему курсу где-то через два дня пути, сделав небольшой крюк. Если все пройдет удачно, мы минуем систему, не обнаруживая себя. Ориентироваться в туманности сложно, а двигаться опасно. По истечении трех-четырех недель (в зависимости от наличия в туманности препятствий) мы должны покинуть пространство туманности Мотра и снова выйти в чистый космос. Как только это произойдет, мы будем на полпути к Ребуле.

Еще я скучаю по сыну и дочерям. Я обещал им привести обломки космического кварца, но думаю, сейчас это явно не первостепенная задача.

6 октября

Я проснулся от взрыва. Мне сразу же доложили, что это столкновение.

Когда я спустился в экстренный штаб, стало сразу понятно, что случилось. Вторая и третья планеты системы образовались примерно в один и тот же период, имеют схожую геологию и одинаково полезны для добычи топлива. Разница лишь в том, что третья планета уже поглощена туманностью, теперь это просто кусок камня. Газы и излучение сдули с планеты всю воду и сожгли атмосферу. В космосе оказались и обломки буровых установок, брошенных людьми на планете. Различный космический мусор болтается в космосе. Один из запорных вентилях пробил корпус «Семерафона», и от столкновения взорвались дополнительные баки с сухим топливом.

Хвала Судьбе, что не сдетонировал главный бак. Тем не менее, от взрыва дополнительных баков мы потеряли еще около 10% внешнего корпуса, и даже сейчас чувствуется, как корабль теряет структурную целостность. Взрыв баков оголил главный бак и часть оружейных складов на второй палубе. Один малейший удар космического мусора и все может взорваться.

Продолжать движение дальше очень опасно. Я распорядился выйти наружу и начать работы по установке каркаса для защиты бака и складов от мелкого космического мусора, а сам собрал экстренное совещание высших офицеров, чтобы найти решение нашей проблемы.

Я выслушал все предложения, но наиболее интересным мне показалось предложение нашего казуала Гайранделя Литери. Он решил, что если мы сами не можем завершить ремонт линкора для длительного путешествия к Ребуле, то надо просто ускорить это путешествие и смириться с возможным риском. Другими словами, если нам удастся заполучить работающий двигатель с человеческого корабля, мы сможем достичь Ребулы всего за две недели, а не за без малого год. При этом он не исключил, что если человеческий корабль будет захвачен полностью, часть его обшивки можно будет использовать как грубый сваренный щит для хвостовой части дредноута, где у нас утрачена часть корпуса из-за попадания вентиля.

Для этого очень кстати подходит пройденная нами двумя днями ранее сырьевая планета на краю Мотры. Если создать небольшую, но постоянную угрозу работающим там компаниям, Содружество может неверно оценить характер опасности и выслать для проверки информации линкор или крейсер. Логично предположить, что боевой корабль начнет искать источник угрозы в туманности, где спрятать наш корабль довольно просто. Когда корабль будет в зоне досягаемости, экипаж можно принудить отдать двигатель под угрозой уничтожения.

Этот план мне нравится больше, чем незамедлительный выход из туманности и прямой ход на Ребулу, который предложили Файразар и Квинг. Это демаскирует наш корабль, и нет никаких гарантий, что враг не успеет отреагировать на появление вражеского линкора в своем пространстве.

7 октября

Я спустился в ангар и осмотрел имеющиеся у нас истребители. Меня убедили, что из 10 истребителей GG-3 шесть находятся на ходу, два требуют длительного и кропотливого ремонта, один истребитель безвозвратно утерян, один разобран на детали для тех шести, что сейчас годны к вылету.

Теперь план кажется мне не таким уж нереальным. То, что «Семерифон» покрывает на маневровых двигателях за два дня, истребители пролетают за 13 часов. Учитывая, что GG-3 полностью совмещается с физиологией пилота, а твердотопливные баки позволяют находиться в режиме полета более 27 часов, мы сможем атаковать доки и буровые чуть реже, чем раз в сутки более трех недель подряд.

Макаров снова выглядел невозмущенным, словно ничего и не произошло.

– Господа, я предлагаю новую схему, – четко выговорил он. – Я провел консультации с капитаном «Миража», и мы решили, что будет справедливо, если мы попросим вас повернуть ваш дредноут правым боком по отношению к нам. Нам необходимо это для того, чтобы мы могли наблюдать порядок и очередность сброса вооружений, а также установить их достоверный объем. Ваш корабль слишком большой, и мы не можем правильно отследить исполнение наших договоренностей...

Казуал Гайрандель Литери одобрительно покачал головой, а Литицер Фейразар нервно и отрывисто рассмеялся, но тут же взял себя в руки. Несколько секунд Калиад сомневался, возможно, просто не мог поверить, что люди смогут настолько нелепо ошибиться. Потом он положил руки на стол ладонями вниз и отбил ими короткую и веселую дробь.

– Что вы можете им предложить, если они будут исполнять эти условия?

– Мы сбросим 6 из 12 ракет CP-12 «Закат». И я хотел бы, чтобы эти условия были выполнены в первую очередь, так как от этого зависит, сможем ли мы проконтролировать ваш сброс ракет «Триафра» и процесс деактивации нейтронной турели, которая располагается, как

я вижу по схемам, в центральной части корабля, за башнями навигации и командной рубкой. То есть она может вести огонь, но мы не можем проконтролировать порядок ее отключения, пока корабль находится во фронтальном положении по отношению к нам...

Нотар вооружений, подавляя смех, подался вперед. В его голосе чувствовалась и усмешка и презрение:

– Их не устраивает сброс только шести ракет, они хотели бы увидеть сброс всех двенадцати!

– Не испытывайте Судьбу! Только за то, что вы повернетесь к нам боком, только за это мы даем больше, чем оно того стоит. И это не говоря уже о том, что в развернутом положении ваш дреднот представляет для нас большую опасность, чем во фронтальном, так как может использовать потенциал спаренных лучеметов. Нам эти лучеметы не представляют особой опасности, но риск все равно есть. И мы согласны на него пойти за сброс только шести ракет. Остальные шесть мы используем в качестве гарантий от использования лучеметов.

– Тогда вам будет сложно контролировать процесс сброса ракет «Пламя», – вмешался Гайрандель Литери. Пусковые установки будут находиться в тени контрольно-пусковой башни. В развернутом состоянии «Семерифон Милосердный» будет находиться по отношению к звезде именно так. Вице-президент может предложить послать кого-то проконтролировать процесс. Вы лично можете убедиться в том, что ракеты будут сброшены в должном объеме, с должной скоростью и в установленном направлении. Когда линкор будет обезоружен, вы сможете сесть обратно в вашу звездную шлюпку и вернуться на «Мираж» до начала процедуры расхождения.

Макаров утвердительно покачал головой. И в это момент техник снова поднялся со своего табурета. Он выглядел также нервно, как и тогда, в первый раз. Каракарцы уставились на него, ожидая, видимо, что он снова скажет что-то оскорбительное.

– Я пойду...

– Что? – переспросил Макаров.

– Я пойду... – повторил Денис, – Вы были правы, все было понятно, как только мы перешагнули порог «Жука»...

8 октября

Мы выслали ударную группу для атаки станции. Несмотря на то, что я четко приказал нанести минимальный ущерб, я боюсь, что пилоты не выдержат. Тринадцать часов в космосе только для того чтобы поцарапать доки и еще тринадцать часов обратно – это того не стоит. Нам необходимо показать свою мощь, а не наносить урон врагу. Если пилотов обуяет месть, они разнесут эту станцию в щепки, тогда спасать будет нечего, войска Содружества не потопятся, чтобы прибыть как можно раньше. Я объяснил им это, но пилоты, похоже, не очень воодушевлены такой задачей. Топлива и ракет на истребители хватит, но хватит ли воли нашим пилотам?

12 октября

Мы регулярно бомбим станцию, но пока никто не прилетел. Пилоты работают сутки через сутки, и очень устают.

Туманность действует на нас очень плохо. Видимо, излучение проходит через обшивку и влияет на наши мысли. На корабле болезненная обстановка. Наш вице-суггест Тарах Наббир сходит с ума. Похоже, он заглядывает в самую пропасть, в Глаз Тьмы, и слышит темные голоса. Я читал об этом в академии. Суггесты ходят по краю Бездны и иногда заглядывают в нее. Не думал, что это случится с членом моего экипажа.

Вчера Наббир начал вредить свое тело, наносить себе глубокие порезы и раны, сдирать кожу. Признаки темного безумия. Я приказал схватить его и приковать его руки к подлокотникам командирского кресла. Сейчас он сидит в моем кресле как древние оракулы на троне, и сутки напролет произносит бессмысленные слова. Глаз Тьмы разговаривает с ним, и я не знаю что делать. Ситуация выходит из-под контроля.

Сквозь завесу слов пробиваются осмысленные фразы. Я пытаюсь разобрать их, но Наббир уже поглощен темным безумием и моменты ясности становятся все короче и короче. Я разобрал только то, что убийца гаргарисков идет, что он уже рядом. В общем, какой-то бред.

16 октября

Мы находимся в туманности Мотра уже неделю. Пилоты безостановочно бомбят станцию и буровые, но их силы на исходе. Я уже жду того дня, когда кто-то из пилотов уснет за штурвалом и столкнется с космическим мусором.

Сегодня мы потеряли двух человек от инсульта. У половины экипажа страшные головные боли. Мы стоим на гравитационном приколе возле края каверны, которая образовалась вокруг местной звезды. Само светило сложно разглядеть. Словно смотришь сквозь воду на бушующий на суше пожар. Хотя, ничего общего. Это еще прекраснее.

17 октября

Метеорит пробил третью палубу, и мы начали борьбу за живучесть. Он попал в самое уязвимое место на корабле, какое только можно было найти, если не считать главного топливного бака. Сколько неприятностей может доставить камень восьми сантиметров в диаметре! Похоже, он похоронит нас.

Реактор перегревается и, если мы не будем сворачивать пространство или не подключим гравитроны, он взорвется, потому что охлаждать его нечем. Мы пытались охлаждать его воздухом, и поэтому сейчас на корабле упало содержание кислорода. Дышать очень тяжело. Мы замедлили нагрев, но взрыв реактора – это вопрос времени, потому что двигателя у нас нет, а сворачивать пространство в туманности, полной газов, приведет к масштабному субмолекулярному взрыву.

18 октября

Кажется, я делал все правильно, но почему-то меня не отпускает мысль, будто что-то пошло не так. Боюсь, я узнаю о своих ошибках, скрытых сейчас от моего взора, только у внутренних ворот Раххала. Я не религиозен и, возможно, это выглядит старомодно, но сейчас я верю в Судьбу больше, чем когда-либо в своей жизни. Там, у внутренних ворот, вы построимся в последний раз.

Мы потеряли две комнаты и еще пятерых членов экипажа. Корабль теряет устойчивость каркаса и скоро развалится на части. Будь у нас двигатель, был бы шанс долететь до Ребулы. Но шансы стремительно тают, потому что наша приманка не работает. Мы бомбим станцию и буровые, но эффекта нет. Похоже, единственный выход – верная смерть. Через три дня будет десятилетняя годовщина того, как я впервые взял в руки штурвал истребителя GG-1 в летной академии. Хороший день, 21 октября.

На 21 октября я назначил верную смерть. Возможно, я выражу общую мысль. Я не хочу умирать на разваливающемся корабле в темноте и собственной блевотине. Я достал из сейфа старинный ритуальный меч. Через три дня мы все уйдем из жизни, как это делали наши предки. В верной смерти больше чести, чем здесь, в бесконечном ужасе. Одной рукой я набираю это сообщение, другой сжимаю алмазную рукоятку меча. Мне придется убить всех членов экипажа, всех женщин и детей. И от такой мысли мое сердце рвется на части.

20 октября

Я сижу на полу в своей каюте и вспоминаю сказки отца про Фуратар, про нашу Новую родину, об отважных и честных воинах, которые бросили вызов Судьбе и вернули нам Старую родину, о выдающихся правителях прошлого, о Честном совете Девятерых. В детстве всегда можно было положиться на отца, он знал все ответы. А у кого спрашивать ответа сейчас? Кажется, во всей проклятой Вселенной по обе стороны карантина нет ни одного живого существа, который бы подсказал, как мне поступить.

Сегодня я собрал всех офицеров корабля и сообщил о запланированной на завтра верной смерти, которая состоится на летной палубе. Они приняли это известие мужественно и одобрили мое решение. Завтра я перебею команду и взорву корабль.

Теперь уже очевидно, что выхода нет. Воздуха еще хватает, если кислород умело экономить, но реактор все равно перегревается. Мы отключили половину стержней, света нет в большинстве кают и помещений, воду приходится поднимать из резервуаров с помощью ведер и веревок, а готовить только на пиротрубках. Похоже, это конец и моя последняя запись.

21 октября

Сегодня в 12.00 я спустился на летную палубу. Света не было, пространство освещалось фарами истребителей. Члены экипажа ждали верной смерти. Никто не хотел погибать как-то иначе. Верная смерть – прямой путь к внешним дверям Раххала. Я вытащил из ножен ритуальный меч. В первом ряду стояли бойцы из орбитального десанта и девушки-связистки. Среди них была Моа Прекарда. Я знал ее много лет, с тех пор, как мы вместе служили на орбитальной батарее Нолгара-III. Она мне нравилась, но я никогда не показывал этого.

Лезвие тускло блестело в свете фар. Я самый худший приор-прециат из всех, что были до меня, из тех, кого я знал, и тех, кто будет после меня. Да простит меня Судьба, я не смог этого сделать...

22 октября

Я не смог совершить предписанное, и сегодня я слагаю с себя полномочия приор-прециата. С завтрашнего дня в эту должность вступает вице-прециат Калиад Манухтар. Он предан делу и разумен. Я думаю, он сможет осуществить верную смерть и взорвать корабль, никакая Судьба не остановит его руку. Сейчас я сижу в своей каюте и прошу прощения у моих предков. Но кажется, что все окна Раххала наглухо закрыты, и предки не хотят меня больше слышать. Я подвел всех, кого только мог, даже свою честь.

22 октября (специальная запись)

Как только я закончил предыдущую запись, в каюту постучал младший казуал Тахамонгу Квинг. Он сказал, что произошло чудо, и Судьба прислала нам подарок.

Это провидение! Вмешательство Судьбы! Когда вице-суггест на несколько минут пришел в себя, он сказал, что чувствует на границе туманности большой корабль. Он слышит голоса людей, их мысли, их надежды. Это малый звездный крейсер, но большего подарка я и просить не смел.

По моему распоряжению Тарах Наббир направляет их в нашу сторону. Кажется, все удалось. Когда корабль прибудет, мы вынудим их сбросить двигатель и улетим домой. Посмертная экскурсия в Раххал отменяется...

27 октября

Сперва я не мог понять, почему так напуган наш вице-суггест, но по мере того, как приближается наш враг, мне становится понятно, что с Судьбой никогда не бывает все просто. Наббир узнал его. Он уже видел этого капитана, но откуда знает его, сказать не может из-за путаницы в мыслях. Это знакомство его пугает, шизофазия стала бурной и насыщенной деталями. Я вижу его страх.

Пока я делал эту запись, мне принесли отчет. Язык Наббира развязался. Он говорит, что капитан – тот человек, что прикрывал на «Защите Рурина» отход эскадры в системе Форгут (или Форус, как ее называют люди). Почему людской вице-прециат линкора сверхтяжелого класса находится на таком звездном ведре? Почему он не принял верную смерть из-за провала операции? Люди – самое бесчестное, что могла создать Вселенная. Я не знаю, почему Судьба терпит этих паразитов Вселенной.

Теперь мне стали ясны слова про убийцу гаргарисков. Выходит, вице-суггест подсоединился к Глазу Тьмы, что действует как ментальный ретранслятор. Это свело с ума бедного Наббира. Выходит, он видел еще дальше, но не мог ни осмыслить, ни осознать, ни пересказать нам увиденное. Я ценю его великую жертву! Неужели Наббир был настолько силен? Я слышал, что к Глазу Тьмы подключаются суггесты первого класса, но Наббир принадлежит всего лишь к третьему. Мы всегда недооценивали его...

Убийца гаргариков идет... никому из смертных не придет в голову бомбардировать ракетами «Заря» звезду. Калечить ее. Только этот извращенный разум во время битвы в системе Форгут смог додуматься до такой мерзости. Я вижу как сейчас те протуберанцы и излучение, что накрывали наши корабли волна за волной. Мы потеряли сорок семь истребителей GG-3 и мы потеряли цель. Ведь заваленная космическим мусором система Форгут с нестабильной звездой больше не была нашим приоритетом. Я уважаю этого человека за столь смелое решение и ненавижу одновременно.

28 октября

Противник на границе чувствительности наших сенсоров, через несколько минут мы сможем его обнаружить средствами электронной разведки. Их аппаратура слабее, поэтому у нас есть полчаса, чтобы скрыть линкор. К сожалению, из-за разрушений корпуса и нарушения целостности защитных экранов мы не можем принять обычные меры против обнаружения. Однако нотар Литицер Фейразар предложил скрыть корабль в каверне звезды. В настоящее время это лучшее решение из всех, что пришли в голову кому-то из членов экипажа. Я согласился на его план.

Это одно из самых трудных решений, которые я принимаю в жизни, и уже второе столь тяжелое за неделю. Жесткое излучение пройдет сквозь обшивку и щиты. Если будем находиться в каверне больше двух часов, мы можем настолько повредить корабль, что даже с двигателем не долетим до Ребулы. Но людскому крейсеру должно хватить часа, чтобы долететь до точки встречи.

Это будет самый мучительный час в жизни. Влияние жесткого излучения этого типа на организм до конца не изучено, однако известно, что оно причиняет страшную боль. Взрослый мужчина еще может ее терпеть, но дети и женщины будут страдать. Я распорядился запелить женщин, больных и детей на летной палубе.

Сейчас мы входим в каверну. Дети и женщины смотрят в самое сердце звезды и кричат от боли и страха. Их крики по перегородкам поднимаются в мою каюту, и я не знаю, как вынести это, потому что моя душа рвется на части, и я страдаю не меньше их самих.

Каракарцы вышли через дальний коридор явно удовлетворенные договоренностями. В переговорной остались только Макаров и Лешин. Какое-то время они сидели за столом молча. Контрагенты не улетят, пока Лешин не взойдет на борт их линкора, но испытывать терпение не входило в процедуру. Макаров не знал, понимает ли техник, что вернуться на «Мираж» уже едва ли сможет. Должно быть, догадывается.

– А ты молодец, надо сказать, – заговорил первым Денис. – Я тебя серьезно зауважал. Не думаю, что кто-то провел бы переговоры лучше тебя. Я не уверен даже, что сам капитан Ибрагимов справился бы лучше. Ты же его знаешь...

– Да, мы же вместе служили на «Защите Рурина».

Собственно, говорить и правда больше было не о чем.

– Будем прощаться? – спросил техник.

– Будем. Ты тоже ничего. Только нервный.

– Наверное, в такие моменты надо сказать, что скоро вернусь, – грустно кивнул Денис. – Как там говорит наш капитан? Дареному коню семь верст не крюк...

– Есть такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.